

**Київський національний університет
імені Тараса Шевченка
Інститут філології**

**ИСТОРИЯ
РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА:
ключевые вопросы и задания
для студентов специальности
«Язык и литература» (русский язык и литература,
иностраннй язык)**

**Укладач:
доц. Кулініч І. А.**

Київ – 2013

Посібник рекомендований до друку на засіданні № 2 кафедри російської мови Інституту філології Київського національного університету імені Тараса Шевченка від 20 вересня 2013 р. та на засіданні № 4 Вченої ради Інституту філології від 26 листопада 2013 р.

Рецензенти:

доктор філологічних наук, професор **Слухай Н. В.**,
Київський національний університет імені Тараса Шевченка, професор кафедри
російської мови

кандидат філологічних наук, доцент **Паламарчук О. Л.**,
Київський національний університет імені Тараса Шевченка, завідувач кафедри
слов'янської філології

Пояснительная записка

Курс «История русского литературного языка» занимает важное место в ряду лингвистических дисциплин, формирующих высококвалифицированных филологов-русистов. Являясь завершающим разделом курса «История языка», «История русского литературного языка» изучает литературный язык как феномен культуры, истоки его формирования и закономерности развития.

На изучение истории русского литературного языка студентам специальности «Язык и литература» (русский язык и литература, иностранный язык) отведено 51 аудиторный час, которые распределяются на лекционные (34), практические (17). Программой предусмотрены часы на самостоятельную работу (21).

Структура университетского курса истории русского литературного языка сложилась лишь во второй половине XX века, поэтому многие вопросы, в том числе и ключевые, остаются дискуссионными.

Характер лекционного курса, практических и семинарских занятий предопределён такими современными принципами изучения языков, как функциональность, антропоцентричность, текстоцентричность.

Настоящие методические материалы могут быть использованы для самостоятельной работы студентов. Этим определяется и принцип его построения.

В пособии представлены:

1. ключевые вопросы курса;
2. лекционные материалы по темам, включённым в программу государственного экзамена по русскому языку;
3. учебные задания, имеющие проблемно-поисковый характер;
4. темы рефератов по курсу;
5. список литературы, включающий рекомендованные программой учебные издания, труды классиков русского языкознания, новейшие исследования, отражающие уровень современных знаний историко-лингвистической проблематики.

Последовательно проводимое в пособии сопоставление явлений истории русского и украинского литературных языков значительно расширяет лингвистический кругозор студентов, помогает им глубже осмыслить ключевые этапы истории русского литературного языка.

Ключевые вопросы курса

История русского литературного языка как наука о формировании и функционировании письменной разновидности языка.

Предмет истории русского литературного языка. Понятие литературного языка. Полифункциональность, кодифицированность, общезначимость как основные свойства литературного языка. Литературный язык и другие формы существования языка. Формирование и эволюция культурно обусловленных норм как основной предмет истории русского литературного языка.

Понятия „узус” и „норма”. Узус как преемственность языковых навыков, отражающих системные отношения в языке. Норма как оценочный компонент языковой деятельности, противопоставляющий правильный и неправильный узус. Различные виды языковой нормы. Книжная норма, её специфика. Зависимость эволюции книжного языка от изменения взглядов носителей языка на языковую правильность. Нормализаторская деятельность как фактор развития литературного языка.

Принципиальные отличия книжного языка средневековья от литературных языков нового времени.

Принципы периодизации истории русского литературного языка.

Источники изучения истории русского литературного языка.

Проблема происхождения древнерусского литературного языка (концепции И. И. Срезневского, А. А. Шахматова, С. П. Обнорского, В. В. Виноградова, Н. И. Толстого). Обсуждение языковой ситуации в Киевской Руси на IX Международном съезде славистов.

Культурно-языковая ситуация в Киевской Руси и её отражение в письменных памятниках.

Пути формирования книжного языка восточных славян. Характер освоения книжной нормы: обучение чтению по слогам и заучивание наизусть текстов конфессионального содержания. Воспроизведение освоенных образцовых текстов в оригинальных произведениях восточнославянских книжников.

Различные регистры книжного языка, реализующиеся в оригинальных текстах. Конвенциональная (условная, опосредованная) и неконвенциональная (безусловная, непосредственная) ориентация на образцовые тексты как важнейший фактор возникновения стандартного и гибридного регистров книжного языка.

Жанр памятников церковной и светской письменности Киевской Руси. Основные различия между книжным и некнижным языком XI-XIV вв.

Книжно-славянский тип древнерусского литературного языка. Единство языковой системы литургической, проповеднической, агиографической литературы. Характер нормы в памятниках книжно-славянской письменности.

Народно-литературный тип древнерусского литературного языка: восточнославянская основа и книжно-славянские черты этого типа. Язык «Слова о полку Игореве».

Структура языка древнерусской летописи.

Юридическая и деловая письменность в Киевской Руси. Отражение традиции обычного (устного) права в языке „Русской правды”, связь этих явлений с мифопоэтической традицией.

Культурно-историческое значение памятников бытовой письменности (берестяных грамот, граффити).

Синтез генетически разнородных (восточно- и южнославянских) элементов в книжном языке восточных славян и их функциональное переосмысление.

Важнейшие процессы функционального переосмысления общеславянского книжного языка в восточнославянских условиях:

- 1) адаптация – усвоение нормой книжного языка восточнославянских элементов (*ж* вместо *жд* в рефлексах **dj*, *-ть* вместо *-тъ* в глагольных окончаниях);
- 2) приобретение элементами кирилло-мефодиевской письменной традиции статуса книжных (*щ* как рефлекс **tj*, *-ши* вместо *-шь*);
- 3) возникновение вариативности: старославянский и восточнославянский элементы становятся допустимыми вариантами (*одинъ/единъ*).

Вариативность как характерная черта оригинальных книжных текстов, обусловленная их двусторонней ориентацией на образцовые тексты и естественные языковые навыки.

Пересмотр и правка богослужебных книг («второе южнославянское влияние» и связанные с ним культурно-языковые процессы). Социальные и культурно-исторические импульсы „второго южнославянского влияния”. Пурификаторские и реставрационные тенденции, лежащие в основе правки рукописей: стремление восточнославянских книжников „очистить” книжный язык от разговорных элементов, вернуть его к „первоначальному” состоянию. Восприятие южнославянской традиции как „чистой”, образцовой, лучше сохраняющей кирилло-мефодиевское наследие. Значимость византийской культурной традиции; межславянские культурные центры на Афоне и в Константинополе.

Изменение в графике, орфографии и пунктуации, усложнение тропов и синтаксических структур. Проблема связи филологической реформы у южных славян (Евфимиевская книжная реформа) с исихастским движением.

Эволюция книжно-славянского типа языка. Формирование стиля „плетения” (извития) словес и его распространение в агиографической и историко-повествовательной литературе («Житие Стефания Пермского» Епифания Премудрого).

Деадаптация как общий принцип реформирования. Искусственный характер новой орфографической практики: экспансия южнославянской (старославянской) и греческой орфографии. Намеренное отталкивание от живого языка как важнейший принцип построения новой книжной нормы.

Культурно-языковая ситуация в Московской Руси. Восприятие собственно восточнославянской традиции как наиболее правильной. Вопрос о „достоинстве” (*dignitas*) книжного языка. Переводческая деятельность Максима Грека и его учеников, её влияние на книжный язык Московской Руси.

Приказный язык Московской Руси и проблема его статуса. Оформление особой нормы приказного языка, связанного с московским *койне*. Признаки, противопоставляющие приказный язык книжному и разговорному.

Первоначальная ограниченность функций приказного языка (сфера делопроизводства, административно-управленческая деятельность). Дальнейшее расширение сфер его употребления (лечебники, поваренные книги, руководства по ведению хозяйства - «Домострой», сочинения Ивана Пересветова, «Статейные списки русских послов»).

Развитие народно-литературного типа языка в повествовательной литературе («Хожение за три моря» Афанасия Никитина, «Повесть о Петре и Февронии»).

Взаимопроницаемость и чередование книжно-славянских, народно-литературных и разговорных контекстов в публицистике Ивана Грозного.

Культурно-языковая ситуация в Украине XVI – XVII вв. Различие языковой ситуации: один литературный язык в Московской Руси (книжно-славянский) и два в Украине (книжно-славянский и „проста (руська) мова”).

Концепция „простоты» языка как фактор эволюции языковой ситуации. Необходимость *понятного* языка в условиях религиозной полемики. Использование „простої мови” в Украине в качестве культурного прецедента.

Украинская книжная традиция в деле приближения церковных книг к греческим образцам. Изменение книжной нормы, связанное с ориентацией на украинскую книжную традицию (изменения в акцентуации, отказ от произношения „еров” и др.).

Влияние украинской книжной традиции на московскую книжную традицию. Связь украинского влияния с процессом европеизации русской культуры. Иммиграция украинских деятелей культуры в Москву, их роль в развитии русской культуры и просвещения (С. Полоцкий, Ф. Прокопович, др.). Значение Киево-Могилянской академии.

Новые пути развития литературного языка в Петровскую эпоху. Секуляризация культуры в начале XVIII в. Языковая политика Петра I как отражение его культурной политики. Культурно-историческое и лингвистическое значение создания *гражданского алфавита*. «Простой язык» в культурной политике Петра I, его противопоставленность церковнославянскому языку.

Западноевропейские заимствования в языке Петровской эпохи как знаки новой культурной ориентации. Осмысление церковнославянского языка как непонятного. Значение первых периодических изданий в развитии литературного языка первой четверти XVIII в. Активизация лексикографической деятельности.

Нормализация и кодификация языка нового типа. Языковая вариативность как характеристика литературных текстов первой четверти XVIII в.

Формирование русской грамматической традиции и поиски критериев нормализации.

Рост национального самосознания как один из стимулов в нормализации и кодификации русского литературного языка. Общеввропейские лингвостилистические и грамматические модели как образец нормализации, характер их переосмысления русскими филологами применительно к специфике языковой ситуации в России XVIII в.

Начало кодификации русского литературного языка нового типа. Формирование академической традиции. Первые грамматики русского языка: труды В. Е. Адодурова, И. В. Пауса. Их отношение к предшествующей традиции (церковнославянской грамматике М. Смотрицкого, грамматике Г. Лудольфа). Начало специального обучения русскому языку как показатель его нового культурного статуса.

Лингвистическая концепция Третьяковского. Представление о двояком употреблении («двойственном диалекте») – книжном и разговорном.

Лингвистическая концепция Ломоносова. Перевод отношений между церковнославянским и русским языком в проблему стилей литературного языка. Стилистическая классификация лексики («три рода речений»: славено-русские, славенские, русские) в «Рассуждении о пользе книг церковных»).

Ориентация литературного языка на литературное употребление. Связь стилей литературного языка с жанрами литературы.

Значение Ломоносова для последующей нормализации литературного языка. Лингвистическая деятельность А. П. Сумарокова.

Разработка стилистических норм в «Русской грамматике» А. А. Барсова (1783-1788), «Словаре Академии Российской».

Стабилизация норм русского литературного языка.

Полемика о «старом» и «новом» слоге; языковая программа карамзинистов.

Ориентация Карамзина и его последователей на западноевропейскую языковую ситуацию. Концепция «употребления» у карамзинистов. Понятия «вкус», «разговорное употребление» в «новом слоге».

Связь нормализации литературного языка с нормализацией разговорной речи. Ориентация на язык «хорошего общества» (*bonne societe*). Неологизмы, кальки (семантические, синтаксические, фразеологические), галлицизмы в «новом слоге». Новаторская деятельность Н. М. Карамзина в области синтаксиса: перестройка порядка слов русского предложения по французской модели. Новые подходы к стилистическому использованию славянизмов.

Полемика о «старом» и «новом» слоге: языковая программа сторонников А. С. Шишкова. Защита славено-русского языка и его теоретических оснований. Языковой пуризм А. С. Шишкова и его последователей: принципиальное игнорирование фактора разговорной речи для формирования литературного языка. Отношение к языковой эволюции как к порче языка. Отрицательное отношение к заимствованиям и галлицизмам. Осмысление церковнославянского языка как «словенского коренного языка», лежащего в основе русского языка.

Значение полемики о «старом» и «новом» слоге в истории русского литературного языка.

Русский литературный язык, его стилистическая система в допушкинский период (В. А. Жуковский, И. А. Крылов, А. С. Грибоедов). Отражение устной речи образованного общества в комедии А. С. Грибоедова и в баснях И. А. Крылова.

Обобщение предшествующего развития литературного языка в литературно-языковой практике Пушкина. Отказ от критерия стилистической ровности текста как от искусственного ограничения стилистической выразительности. Славянизмы как указание на культурно-исторический прецедент, ветхозаветные подтексты, церковные подтексты, античные ассоциации, средство исторической стилизации, знаки романтической традиции и т.д. Проблема народности в языковых установках А. С. Пушкина. Европеизмы («галлицизмы») в идиостиле Пушкина. Важнейшие статьи А. С. Пушкина о языке. Развитие пушкинских принципов в русском литературном языке середины XIX в. (М. Ю. Лермонтов, Н. В. Гоголь).

Демократизация русского литературного языка середины XIX в. Кодификация нормы в грамматических трудах И. И. Греча. Развитие научно-философской и журнально-публицистической речи, обогащение словарного состава русского литературного языка.

Изменение орфоэпической нормы русского литературного языка: московская и петербургская нормы произношения. Роль сценической речи в эволюции орфоэпической нормы.

Русский литературный язык второй половины XIX - начала XX. Образование системы стилей русского литературного языка и их дифференциация. Развитие газетно-публицистического и научного стилей. Судебное красноречие и его значение в формировании стилистической системы литературного языка.

Основные тенденции в развитии русского литературного языка конца XIX-начала XX вв. Проблемы нормы и её кодификация в работах Я. К. Грота, А. А. Шахматова, В. Г. Чернышева.

Новые явления в русском литературном языке начала XX в. Модернизм и языковое экспериментирование как сознательный отказ от нормы. Словарь Академии наук под ред. Я. К. Грота как опыт нормативного словаря.

Язык революционной эпохи. Орфографическая реформа 1917/1918 гг. и её культурно-историческое значение. Аббревиатуры как знаки культурной ориентации. Эстетизация языка революционной эпохи в литературе авангарда.

Развитие русского литературного языка в 30-40-е гг. XX в. «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова как опыт нормативной кодификации нового языкового стандарта. Пуристические тенденции в языковой политике 1940-50-х гг. Изменение орфоэпических норм в середине XX в. Роль средств массовой информации в распространении норм русского языка.

Основные тенденции в развитии русского литературного языка новейшего времени. Функции и статус русского литературного языка в современном

обществе. Научная разработка и лексикографическое описание современного русского литературного языка.

Исторические словари как источник изучения истории русского литературного языка

Важным источником изучения истории русского литературного языка и кодификации нормы являются *исторические словари*. Среди них – фундаментальные труды – «Словарь русского языка XI – XVII вв.», вып. 1-24, 1975-1999 гг. (издание продолжается), «Словарь древнерусского языка XI – XIV вв.», вып. 1-4, 1988-1991 гг. (издание продолжается), «Словарь русского языка XVIII вв.», вып. 1-9, 1984-1997 (издание продолжается), «Словник української мови XVI – першої половини XVII ст.», вып. 1, Львов, 1994 г. (издание продолжается).

Для исторической лексикографии значимы и работы меньшего масштаба, такие, как исторические словари (материалы), представляющие словарный состав отдельных произведений: *В. Н. Виноградова*. Словарь- справочник «Слова о полку Игореве», вып. 1-6, М., 1965-1984 гг.; Лексика и фразеология «Моления» Даниила Заточника / Отв. ред. Е. М. Иссерлин, Л., 1981; *О. В. Творогов*. Лексический состав «Повести временных лет», Л., 1984; трилогия – Язык русской агиографии XVI в. / Под ред. А. С. Герда, СПб., 1990-1996; *А. А. Грузберг*. Частотный словарь русского языка вт. пол. XVI – н. XVII в. и др.

Проблема происхождения древнерусского литературного языка (теории А. А. Шахматова, С. П. Обнорского, В. В. Виноградова, Б. А. Успенского)

В XIX в. возникла и утвердилась достаточно аргументированная точка зрения, согласно которой древнерусский литературный язык сформировался в результате усвоения старославянской письменности в восточнославянских условиях. Так, ещё в 1849 г. *И. И. Срезневский* отмечал: «когда русский народ обратился к христианству, он нашёл уже все книги, необходимые для богослужения и для поучения в вере, на наречии, отличавшемся от его родного наречия очень немногим. Книги эти послужили основанием письменности русской» [Срезневский И. И. Мысли об истории русского языка. – М., 1959. – С. 37].

Определяя характер отношений между древнерусским и церковнославянским языком, учёный писал: «друг другу они служили взаимным дополнением. Народная чистота одного и учёное богатство другого

были в противоположности, но не более как язык людей простых и людей образованных» [там же]. Это позволило носителям народного языка относиться к книжному как к своему.

И когда в результате изменений и развития живого народного языка «древний в отношении к народному был уже на такой степени противоположности, что только очень образованные писатели могли владеть им ... тогда вместо одного языка книжного явилось два: один, древний, оставаясь нерушимым в своём строе, только несколько оттенялся от первоначального своего вида под влиянием народного; другой, *новый, был смесью старославянского с живым народным*» [там же, с. 67-68].

А так как народный язык уже делился на наречия, то и этот новый книжный язык не мог быть везде один и тот же и тем самым удалялся от старославянского, чем более резко становились черты местных отличий народного говора. Согласно И. И. Срезневскому, в основу современного литературного языка лёг книжный язык, русифицированный церковнославянский.

Наиболее категорично эта точка зрения была сформулирована в работах А. А. Шахматова: «По своему происхождению русский литературный язык – перенесённый на русскую почву церковнославянский (по происхождению – древнеболгарский) язык, в течение веков сближавшийся с живым народным и постепенно утрачивающий своё иноземное обличье» [«Очерки», 1941, с. 60].

Шахматов А. А. - учёный-энциклопедист, известный славист, текстолог.

В центре его научных исследований – проблема самопознания, в котором учёный видел главный путь изучения истории языка: «Самопознание возможно лишь при известной широте кругозора; расширение же нашего кругозора достигается приобщением к нему Греко-славянского мира».

С юных лет он осознал, что истоки древнерусского литературного (книжного) языка связаны со славянской культурной традицией.

Шахматов А. А. признавал смешанный состав литературного языка, считая собственно восточнославянские элементы позднейшими, проникающими в ходе постепенного их ассимилирования.

Таким образом, церковнославянские элементы причислили к начальной основе литературного письменного языка.

Учёный рассматривал историю литературного языка как историю постепенной русификации церковнославянского языка.

Согласно Шахматову, уже на ранних этапах церковнославянский язык воспринимался не только как язык церкви и духовного просвещения, но и был усвоен образованными слоями уже в X в. При этом в речи образованных людей с трудом разграничивались церковнославянский и древнерусский языки.

А. А. Шахматов допускал, что церковнославянский язык использовался не только как язык культа, письменности, но и применялся в речи образованных людей.

В «Очерке древнейшего периода истории русского языка» (Петербург, 1915 г.) известный учёный-славист отмечал, что русский язык содержит в себе и теперь слова, формы, обороты древнеболгарской книжной речи: «Наш

современный русский литературный язык, разговорный язык образованного общества по происхождению – древнеболгарский, в словарном составе наполовину, если не больше, остаётся церковнославянским».

Киев получил через Болгарию могущественное орудие духовного просвещения. С христианством был заимствован и литературный язык. Заимствованный по происхождению, литературный язык с течением времени становится всё более древнерусским, взаимодействует с восточнославянскими речевыми элементами [«Курс истории русского языка», читанный в Санкт-Петербургском университете в 1908-1909 годах].

Учёный обосновывал важность привлечения диалектных данных как наиболее надёжных и точных для историков языка.

В отличие от латыни в Западной Европе, церковнославянский язык в силу близости к древнерусскому быстро начал ассимилироваться.

А. А. Шахматов принципиально важным считал следующий тезис: *изучению памятников* должно предшествовать изучение живого языка.

Несомненную теоретическую значимость имеют замечания А. А. Шахматова о роли *койне* в формировании литературного языка восточных славян: «Культура проникает во всякую страну через её городские и торговые центры. Купцы, горожане, правящие классы являются её распространителями» [А. А. Шахматов. Введение в курс истории русского языка. – Ч.1. – Петербург, 1916. – С. 79]. Впервые учёный обосновывает необходимость изучения истории литературного языка в связи с исследованием языка города в разные периоды истории народа.

Академик *В. В. Виноградов* в работе «История русского литературного языка в изображении академика Шахматова» высоко оценил значение концепции А. А. Шахматова.

Так, например, новаторскими были идеи Шахматова о роли говоров в формировании литературного языка и учение о *койне*.

Однако Виноградов отмечал недооценку процессов нормализации (согласно Шахматову, главный авторитет – это употребление), равнодушие Шахматова к изучению стилистического многообразия литературной речи.

Теория А. А. Шахматова получила развитие в трудах Н. Н. Дурново, В. М. Истрина, акад. Е. Ф. Карского.

Церковнославянская основа литературного языка восточных славян обосновывалась и в работах Г. О. Винокура, Л. А. Булаховского. Согласно устным высказываниям Л. В. Щербы, по *семантическому существу* литературный язык восточных славян является церковнославянским.

В 30-е гг. XX века приобретает известность полемически заострённая теория *С. П. Обнорского*, обосновывавшая *автохтонный* характер книжного языка восточных славян.

На основе изучения пространной редакции «Русской правды» по Синодальному списку 1282 г. проф. Обнорский предпринял попытку восстановить лингвистический облик протооригинала.

Скруплёзный анализ фонетико-морфологических особенностей позволил учёному сделать вывод о доминировании восточнославянских речевых

элементов в памятнике: «Русская правда» как старший свидетель русского литературного языка даёт нити о самом образовании литературного языка. Русский литературный язык старейшей эпохи был в собственном смысле древнерусским» [«Русская правда» как памятник русского литературного языка. – 1934. – С. 60].

Проф. Обнорский С. П. делает категоричное заключение: «Литературный язык старейшей формации был чужд воздействиям со стороны болгаро-византийской культуры. Но ему не были чужды воздействия со стороны германского и западнославянского миров». Процесс «оболгарения» литературного языка, согласно Обнорскому, был длительным, шедшим веками «crescendo».

В дальнейшем учёный подтвердил вывод о восточнославянских истоках литературного языка на основе исследования лексико-фразеологических и фонетико-морфологических особенностей:

1. краткой редакции «Русской правды»
2. «Слова о полку Игореве»
3. «Моления Даниила Заточника»
4. сочинения Владимира Мономаха.

Заслугой лингвиста, безусловно, было проведение тщательной текстологической работы по восстановлению архетипа памятников. Даже его оппоненты сравнивали труд учёного с деятельностью живописца-реставратора.

Методика анализа древнейшего текста с постепенным снятием языковых наслоений разных эпох была детально разработана С. П. Обнорским в «Очерках по истории русского литературного языка старшего периода» (1940 г.).

Категоричность выводов была предопределена как недостаточностью исследованного материала (четыре источника, во многом однотипных в языковом отношении), так и несколько тенденциозным подходом к их выбору (игнорировались такие памятники, как «Слово о Законе и Благодати» Илариона, «Житие Бориса и Глеба» и др.).

Резко критиковали теорию С. П. Обнорского А. П. Селищев [«О языке «Русской правды» в связи с вопросом о древнейшем типе русского литературного языка. – 1957.], проф. Бернштейн и др.

Положения концепции С. П. Обнорского были развиты в трудах проф. Л. П. Якубинского, Л. Я. Черных, проф. Л. С. Кузнецова.

В докладе на IV Международном съезде славистов «Основные проблемы изучения и развития древнерусского литературного языка» (1958) В. В. Виноградов представил хорошо аргументированную концепцию взаимодействия старославянского и восточнославянского языка в процессе образования древнерусского литературного языка.

Центральным тезисом в теории было суждение о том, что проникновение старославянского языка и формирование книжно-славянского типа древнерусского языка не могло ни стеснить, ни тем более подавить на письме передачу и дальнейшую обработку восточнославянской речи.

Акад. Виноградов В. В. обосновывает теорию, согласно которой в рамках единого древнерусского языка существовали два типа литературного языка:

книжно-славянский и народно-литературный. Вводя в научный обиход термин «тип языка», учёный отмечал: «тип образует различия между собой менее, чем разные языки, но более, чем стиль одного языка. Это не разные стили одного и того же литературного языка, так как они не умещаются в рамках одной и той же структуры и применяются в разных сферах культуры в разных функциях».

С *генетической* точки зрения – это разные языки: в основе книжно-славянского типа – церковнославянский язык, народно-литературного – древнерусский.

В концепции академика Виноградова В. В. обосновывается положение о взаимодействии и взаимопроникновении типов языка: они противопоставлены лишь «в своих контрастных, наиболее чистых концентрациях». При этом учёный обосновывает статус старославянского языка как конденсатора и грамматико-семантического регулятора на ранних этапах формирования литературного языка восточных славян.

Таким образом, особую значимость приобретает изучение сложных путей ассимиляции старославянского языка на восточнославянской почве и исследование путей взаимодействия книжно-славянского и народно-литературного типов языка.

Выдающийся лингвист исследует структуру каждого из типов литературного языка. Так, к *книжно-славянскому* типу литературного языка относятся следующие стили:

- 1) стиль *литургической* литературы
- 2) стиль *агиографической* литературы («Житие Бориса и Глеба»)
- 3) стиль *проповеднической* литературы («Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона)
- 4) стиль *паломнической* литературы («Хождения»)
- 5) стиль *патристической* литературы (сочинение «отцов церкви», «Изборник 1076»).

К *народно-литературному* типу языка относились:

- 1) стиль частной переписки (эпистолярный стиль, напр., «Берестяные грамоты»)
- 2) стиль художественной литературы («Слово о полку Игореве»)
- 3) хроникально-летописный стиль («Повесть временных лет»)
- 4) поучения и моления («Поучение Владимира Мономаха», «Моление Даниила Заточника»)
- 5) деловой язык («Русская правда»).

Наиболее важными особенностями являются: обилие конкретной лексики; многочисленные заимствования из тюркских, скандинавских языков (но не из языков, воспринимающихся как сакральные); значимость глагольной лексики и др.

Характеризуя особенности русского литературного языка донационального периода, В. В. Виноградов писал: «Известно, что в эпоху, предшествующую образованию национального языка и наций, в функции литературного языка может выступать «чужой» язык в Древней Руси ... важные сферы культуры – область культа, науки, «высокие» жанры литературы – обслуживал

старославянский язык, конечно, со своеобразными и существенными видоизменениями, с теми творческими приращениями, который он получил на той или иной народной почве. На этой базе в Древней Руси сложился *книжно-славянский* тип древнерусского литературного языка [там же, с. 86].

Рассматривая проблему соотношения литературного языка и языка письменности, В. В. Виноградов отмечал, что литературный язык в собственном смысле этого слова нельзя отождествлять с «письменным языком» или «письменно-деловым языком». «Письменно-деловая речь, влияя на развитие литературного (народно-литературного) языка и сближаясь с ним в обработанных произведениях деловой прозы, одним краем касается литературного языка, а другим уходит в гущу народно-разговорной диалектной речи [Виноградов, 1978, с. 134-135].

В то же время академик В. В. Виноградов отождествлял деловую письменность с живой восточнославянской речью. «Возникновение русского письменного языка на самой заре развития древнерусской народности способствовало постепенному обогащению его отстоявшимися в живой разговорной речи формулами, оборотами и выражениями. Это содействовало расхождению письменного языка с общенародным разговорным, куда многие из элементов книжного языка, становившихся традиционными, не проникали. Между тем в силу традиционности многих жанров письменности (например, юридических актов) одни и те же заостреннейшие сочетания и формулы, фразеологические обороты передаются из столетия в столетие. Так, например, московские грамоты XIV-XV вв. во многом продолжают традиции древнего Киева [там же, с. 113].

Многие исследователи отмечали, что уже в 60-е гг. XX в. спор об «основе» литературного языка стал восприниматься как *схоластический*. Сложная, многоплановая картина образования литературного языка отодвигалась на второй план. Без серьёзного привлечения разных источников дискуссии воспринимались как декларативная борьба «романтических народников» с теорией А. А. Шахматова.

На VI Международном съезде славистов (Прага, 1968) был представлен доклад Б. Унбегауна и проф. Хютль-Ворт «Кирилло-Мефодиевское наследие в России. Русский ли по происхождению русский язык», в котором обосновывались положения, близкие к концепции Шахматова.

На основе скрупулёзного изучения широкого массива памятников (от «Сказания о Борисе и Глебе» до автобиографической повести К. Паустовского) был сделан вывод о значимости „*славенороссийских речених*” для современного русского языка: „В своей основе словарный состав русского языка продолжает оставаться церковнославянским и развивается при помощи старославянских словообразовательных средств”.

В поздних статьях В. В. Виноградова „О новых исследованиях по истории русского языка” [Вопросы языкознания. – 1969. - № 2], «Основные вопросы и задачи изучения истории русского литературного языка до XVIII в.» [Вопросы языкознания. – 1969. - № 6] обосновывается положение о *сложной природе* древнерусского литературного языка.

В предсмертной статье «О новых исследованиях по истории русского литературного языка» представлена общая характеристика древнерусского языка как целостной системы.

Процесс формирования древнерусского литературного языка определяется взаимодействием следующих элементов:

- 1) церковнославянского
- 2) деловой, дипломатической речи, развитой ещё в дописьменную эпоху
- 3) языка фольклора
- 4) народно-диалектных элементов

Роль конденсатора и грамматико-семантического регулятора принадлежали старославянскому языку.

Реальный состав сплава зависел, согласно В. В. Виноградову, от жанра письменности.

Актуальность исследования взаимодействия старославянского и древнерусского языка возросла в связи с 1000-летием Крещения Руси.

Новый импульс к осмыслению языковой ситуации в Киевской Руси дала дискуссия на IX Международном съезде славистов (Киев, 1983), проводившаяся в преддверии 1000-летия Крещения Киевской Руси.

В теоретическом плане на заседаниях и в рамках специального круглого стола наметились два противоположных подхода к оценке языковой ситуации в Киевской Руси и тем самым к исследованию истоков формирования литературного языка восточных славян.

В докладе проф. Успенского Б. А. «Языковая ситуация в Киевской Руси её значение в истории русского литературного языка» обоснована теория *диглоссии*, восходящая к идеям Ч. Фергюссона.

В докладе Русановского В. М. и Нимчука В. В. „Співвідношення функцій давньоруської і старослов'янської мов у Київській Русі” представлен иной подход к оценке языковой ситуации: в Киевской Руси сосуществовали, активно взаимодействовали 2 литературных языка:

- церковнославянский (функционировал в культовой сфере)
- древнерусский (функционировал в светских стилях).

Языковая ситуация в Киевской Руси определяется проф. Успенским Б. А. как ситуация диглоссии.

Диглоссия – способ существования двух языковых систем в рамках одного языкового коллектива, когда функции соответствуют функции одного языка, то есть находятся в отношениях дополнительной дистрибуции (дополнительного распределения).

Одни из языков является *книжным*, связанным с письменной традицией, сакральным, культовым, воспринимается как престижный. Другой – *некнижный*, связанный с обыденной жизнью. Иными словами, в ситуации диглоссии два разных языка воспринимаются как один, то есть характеризуются стойким функциональным балансом.

При этом *книжный* язык («чужой») усваивается в процессе формального обучения, в более зрелом возрасте (он *вторичен* для носителя языка), является особо *престижным*. *Некнижный* («свой») – усваивается естественным путём.

Согласно проф. Успенскому, член языкового коллектива воспринимает как один язык, лишь для внешнего наблюдения (исследователя) – это два разных языка.

В теории диглоссии оппозиции *книжный / некнижный, литературный / нелитературный* рассматриваются как противопоставления *нормативное / ненормативное*. Таким образом, в рамках *некнижного, ненормативного* оказывается *деловая письменность*. Это положение требует уточнения: в еловой письменности закреплена норма деловой письменности, ориентированная на нормы живой восточнославянской речи [см. об этом: Ремнева, 1995, с. 23]. Язык деловой письменности имеет свои традиции, закреплённые формулы, особым образом престижен, поскольку это язык права, государственности. Определённые формальные установки писцов и составителей документов передавались из поколения в поколение.

По мнению М. Л. Ремнёвой, языковая ситуация на Руси характеризовалась наличием противопоставленных друг другу двух нормированных языковых явлений, что и определяло специфику книжно-письменной культуры.

Возражения у многих исследователей вызывает строгая регламентация в ситуации диглоссии, «дифференциация книжного / некнижного совпадает с дифференциацией сакрального / мирского, шире культурного / бытового» [Успенский, 1983, с. 15]. В таком случае за пределами книжности остаются *летописи, хождения, повести*.

Книжный и некнижный языки противопоставлены по способ усвоения. *Книжный* усваивается в процессе формального обучения; он вторичен, так как приобретается в более зрелом возрасте; этот язык *особенно престижен*. *Некнижный* усваивается естественным путём.

Диагностические признаки диглоссии были определены И. Фергюссоном при изучении языковой ситуации в арабских странах, немецкой Швейцарии, на Гаити.

В ситуации диглоссии местный язык не может выполнять функции литературного языка, так как не нормирован.

В докладе Б. А. Успенского отрицалась литературность древнерусского языка:

- контексты употребления не пересекаются;
- при диглоссии один текст не может быть переведён с одного языка на другой. Принципиальная невозможность шуточного, пародийного использования книжного языка;
- недопустимость применения книжного языка как средства разговорного общения;
- отсутствие кодифицированного разговорного языка.

Таким образом, разработанная Фергюссоном теория в интерпретации Успенского подверглась существенным изменениям. Но всё же в докладе Успенского Б. А. фактически отрицалась литературность древнерусского языка.

Оппоненты проф. Успенского справедливо отмечали, что языковая ситуация в Киевской Руси значительно сложнее, чем ситуация диглоссии.

По мнению Г. Кайперта, теория диглоссии вызвала особый интерес к изучению конфессиональных текстов. Это позволяет глубже проникнуть в языковые проблемы Крещения Руси [см. Гельмут Кайперт. Крещение Руси и история русского литературного языка // Вопросы языкознания. – 1991. - № 5].

Многие исследователи достаточно скептически воспринимали теорию Успенского как «курьёзную попытку приписать Древней Руси языковую ситуацию, смоделированную Фергюссоном на основе изучения креольского языка Гаити» (А. С. Мельничук).

По своему объективному значению понимание языковой ситуации как *диглоссии* совпадает с точкой зрения А. А. Шахматова, согласно которой *церковнославянский язык* был единственным литературным языком в Киевской Руси, так как был особо престижным, кодифицированным и воспринимался как сакральный.

Согласно Б. А. Успенскому, ситуация диглоссии сохранялась до XVII в.

Таким образом, учёным значительно сужается круг памятников литературного языка: летописи. Памятники деловой письменности, «Слово о полку Игореве» не являются, таким образом, литературными памятниками.

Аргументированной представляется точка зрения *Н. И. Толстого*. Известный славист впервые отметил, что собственно «народно-литературный тип» древнерусского литературного языка без книжно-славянских элементов представлен лишь в редких случаях.

Учёный обосновал плодотворную идею «*иерархической пирамиды*» для осмысления многообразия письменных памятников XI-XII вв. В верхних ярусах этой символической пирамиды находятся *канонические* тексты (Евангелие, Псалтырь), *литургическая*, проповедническая литература («Слово о Законе и Благодати»), *агиографическая* («Житие Бориса и Глеба»), повествовательная литература (повести), апокрифическая, историческая (летопись, хронографы), паломническая литература и т.д.

Язык письменных памятников, относящихся к верхнему ярусу, характеризуется консервативностью, в нём закреплена так называемая строгая норма. В текстах нижнего яруса норма оказывается вариативной («сниженной»), подверженной влиянию народно-разговорного субстрата.

Для самостоятельной работы

I. Прочитать и законспектировать работы:

1. Гавранек Б. Задачи литературного языка и его культура // Пражский лингвистический кружок. – М., 1967.
2. Едличка А. Проблематика нормы и кодификация литературного языка в отношении к типу литературного языка // Проблема нормы в славянских литературных языках в синхронных и диахронических аспектах. – М., 1976.
3. Винокур Г. О. О задачах истории языка // Избранные работы по русскому языку. – М., 1959.

II. К коллоквиуму проанализировать работы:

1. Шахматов А. А. Очерк современного русского литературного языка. Изд.4-е. – М., 1941.
2. Обнорский С. П. «Русская правда» как памятник русского литературного языка // Избранные труды по русскому языку. – М., 1960.
3. Обнорский С. П. Происхождение русского литературного языка старшей поры // Избранные труды по русскому языку. – М., 1960.
4. Виноградов В. В. Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка // Виноградов В. В. Избранные труды. История русского литературного языка. – М., 1978. – С. 65-152 (законспектировать разделы III-X ; с. 86-151).
5. Успенский Б. А. Языковая ситуация в Киевской Руси и её значение для истории русского литературного языка. – М., 1983.
6. Мещерский И. А. Источники и состав славяно-русской переводной письменности XI-XV вв. – Л., 1978.
7. Русанівський В. М., Німчук В. В. Співвідношення функцій давньоруської і старослов'янської мов у Київській Русі (XI-XIII ст.) // Слов'янське мовознавство. IX Міжнародний з'їзд славістів. – К., 1983.
8. Гельмут Кайперт. Крещение Руси и история литературного языка // Вопросы языкознания. – 1991. - № 5.
9. Селищев А. М. О языке «Русской правды» в связи с вопросом о древнейшем типе русского литературного языка // Селищев А. М. Избранные труды. – М., 1968.

Отражение языковой ситуации Киевской Руси в письменных памятниках.

Возникновение книжной языковой традиции в Киевской Руси

Христианизация по византийскому обряду потребовала организации «книжной sprawy», переводов конфессиональной литературы. Выполнение этой задачи невозможно было без развития просвещения.

Началось обучение книжному языку при Владимире и Ярославе.

Владимир, согласно летописи, «нача ставить по городам церкви и попы», приказал «поимати у нарочитые чади дети», «отдавать их в учение книжное».

В эпоху Ярослава Мудрого при Софии возникает кружок хорошо подготовленных книжников, занятых не только переписыванием готовых текстов и переводами, но и созданием оригинальных произведений.

Последствием такой деятельности стало создание первой библиотеки (библиотеки Ярослава Мудрого), которая вместе со скрипторием занимала Михайловский предел Софиевского собора. В 30-40-е года XI в. было создано

большое количество публицистических, агиографических, исторических текстов («Древнекиевский летописный свод»).

Содержание этих произведений было подчинено чётко сформулированной доктрине, суть которой представлена в «Слове о Законе и Благодати» [см. об этом: *Молдован А. М.* «Слово о Законе и Благодати». – Киев, 1984].

В кружках обучали чтению по складам, заучивали наизусть образцовые тексты, их отдельные фрагменты, конструкции. Очень важной была ориентация *на эталон*, это помогало воспринимать книжный язык как «свой».

В работах Н. И. Толстого исследуются *14 групп* письменных памятников Киевской Руси:

1. Конфессионально-литургическая литература.
2. Конфессионально-гимнографическая литература.
3. Агиографическая литература.
4. Патристика, конфессионально-учительная литература.
5. Конфессионально-юридическая литература.
6. Панегирическая литература.
7. Апокрифическая литература.
8. Историческая литература.
9. Повествовательная литература.
10. Паломническая литература.
11. Философско-юридическая литература.
12. Светско-юридическая литература.
13. Деловая письменность.
14. Бытовая письменность.

Сакральные тексты занимают вершинное место в ценностной иерархии средневековой словесности. Они служили образцами при создании оригинальных произведений, выполняли роль своеобразного «камертона правильности» [Алексеев А. А.].

Исправление богослужебных книг, слежение за правильностью самих сакральных текстов – цель книжного дела. В качестве эталона, образца традиционно воспринимались кирилло-мефодиевские переводы с древнегреческого на старославянский язык. Именно они имели *наибольшее количество списков*, характеризовались *высокой частотой цитирования*, тем самым формируя «*этикетный стиль*», «*стилистический ключ*» и тем самым выполняя функцию кодификации.

В монастырях работали выдающиеся публицисты, художники, учёные того времени.

Студийский монастырский устав, введённый во второй половине XI в., обязывал обитатели устраивать библиотеки, скриптории, иконописные мастерские. Безусловно, особое место принадлежит Киево-Печерскому монастырю, который поистине стал выдающимся средоточием древнерусской культуры.

С ним связана деятельность выдающихся публицистов Феодосия Печерского, Иакова Мниха; историков, летописцев Никона Печерского, Нестора Летописца, художников Алимпия, Григория, врачей Агапита и др.

Отець (бог, высшее существо), *живот* (вечная жизнь) и др.

- 4) регулярное введение в текст *сложных слов* - *братолюбие*, *животворити* и др. (согласно подсчётам, в тексте «Изборника» 108 сложных слов, придающих торжественность).

„Слово о Законе и Благодати” Илариона

Заслуга научного открытия „Слова о Законе и Благодати” принадлежит А. В. Горскому. Ещё в 1844 г. был опубликован наиболее полный список этого выдающегося памятника ораторского искусства.

Об авторе – Иларионе – в „Повести временных лет” говорится: „родом русин, мужь благъ, книжен и постник”. Был священником в церкви святых апостолов в с. Берестове под Киевом. В период княжения Ярослава Мудрого был возведён в митрополичий сан, стал первым киевским митрополитом-русином.

Иларион создал интересную концепцию общечеловеческой истории, базирующуюся на неоплатонической философии. Главным тезисом является учение об *эманации* – излиянии света (высшей формы бытия) на тьму.

В основе термина эманация (позднелат. *emanatio* – истечение, распространение) - метафорический образ истока, дающего начало реке; образ солнца, распространяющего лучи. Суть эманации – в переходе от множества (язычества) к единству (христианству).

Иларион вводит понятия *Закона* и *Благодати* как двух ступеней озарения, определяющих *главное* содержание всемирной истории. Закон, ассоциирующийся с рабством, находит отражение в Ветхом Завете, благодать – высшая ступень озарения, отражённая в Новом Завете.

Ключевые противопоставления в «Слове» Илариона: Закон («законное озеро») / Благодать («Евангельский источник»); свет / тьма; рабство / свобода; единство (христианство) / множество (язычество).

«Слово» Илариона представляет собой «анфиладный», сборный текст, состоящий из трёх частей:

1. философски-теологической (образная интерпретация Закона («законного озера», то есть Ветхого Завета) и Благодати («евангельского источника», то есть Нового Завета),
2. исторической (осмысливается распространение христианства),
3. панегирической (восхваление князей Владимира и его сына Георгия (Ярослава Мудрого)).

Являясь проповедью, «Слово» обращено к пастве, адресовано к «простой чади» и искущённому слушателю, знатоку книжной речи.

Для самостоятельной работы по «Слову о Законе и Благодати» Илариона

Познакомиться со следующими исследованиями:

Мещерский Н. А. К изучению «Слова о Законе и Благодати» // Труды отдела древнерусской литературы. – 1976. – Т. 30.

Молдован А. М. «Слово о Законе и Благодати» Илариона. – К., 1984.

Задания для текстологической работы

1. Какова роль *антитезы, амплификации синонимов* в тексте «Слова о Законе и Благодати».
2. Каким образом представлена *речевая этикетность* в тексте. Как речевая этикетность помогает в описании князя Владимира.
3. Выделите случаи повтора в тексте. Как проявляется их композиционная и ритмическая значимость.
4. Обнаружить ключевые метафоры в тексте проповеди.
5. Каким образом соотносятся с текстом проповеди цитаты из Книги пророчеств Исайи.
6. Возможно ли обнаружить приметы стиля «монументального историзма» в «Слове о Законе и Благодати».
7. Проанализировать случаи «расщепления семантики» в тексте проповеди.

«Слово о полку Игореве»

Лингвистическое изучение этого выдающегося письменного памятника XII в. началось во время подготовки рукописи к изданию в 1800 г. В это время в центре внимания были текстологические, палеографические вопросы, связанные с толкованием «тёмных мест».

Углубление лингвистического осмысления «Слова» наблюдается в середине XIX в. в связи с последовательным применением сравнительно-исторического метода, введением в научный оборот новых письменных памятников [см. работы *Ф. И. Буслаева, И. И. Срезневского, А. И. Соболевского* и др.]. Так, например, *И. И. Срезневский* впервые в истории славистики подверг лексикологическому анализу «Слово» и включил лексемы в «Материал для словаря древнерусского языка» (т. 1-3).

Лингвистические аргументы оказались достаточно вескими в длительной *дискуссии о подлинности* «Слова» как памятника домонгольского периода. Так, в фундаментальных трудах *Д. С. Лихачёва, В. П. Адриановой-Перетц* многоаспектно исследуется проблема подлинности «Слова». Обобщающие выводы изучения «Слова» в XIX в. находим в многотомном издании *Елтидифора Васильевича Барсова* «Слово как художественный памятник Киевской дружинной Руси» (М., 1989).

В работах *Д. С. Лихачёва* приведены серьёзные аргументы (в том числе и лингвистические), подтверждающие архаичность языка «Слова о полку Игореве». Среди них – соотносимость «Слова» с эстетическими

представлениями XI-XIII вв., а именно со стилем *монументального историзма*. Этим термином, введённым Д. С. Лихачёвым, обозначается стиль, положенный в основу всех видов древнерусского искусства. Как известно, монументальный историзм характеризуется стремлением рассмотреть предмет изображения с больших дистанций – пространственных, временных и т. д. («панорамное видение»). Это стиль, в пределах которого всё наиболее значимое и красивое представляются *большим, монументальным, величественным*. Эстетически значимым является то, что может быть представлено мощным и большим. Приметы стиля монументального историзма исследователи находят и в «Слове о Законе и Благодати» Илариона, и «Повести временных лет», и в «Житии Бориса и Глеба». В «Слове о полку Игореве» особенности стиля монументального историзма явлены, в частности, во фрагменте «Золотое слово Святослава».

Важными лингвистическими аргументами подлинности «Слова» являются следующие:

- наличие так называемых *лексических показателей*, то есть слов, известных в домонгольский период и позже забытых. К ним относятся *«ратаи»*, *«засапожники»*, *«котора»* (распря), *«тулиш»* (колчаны для стрел) и др. Отметим, что в фундаментальном исследовании С. П. Обнорского прокомментированы такие слова;

- в «Слове» представлен большой языковой материал, связанный с половцами (во время обнаружения памятника тюркология была развита слабо);

- *мифологемы*, связанные с язычеством: ср. в тексте *Даждьбог* (русичи – «даждьбожи внуци»), Велес (Боян – «Велесов внук»), Стрибог. Исследователи обратили внимание на отсутствие в тексте упоминания о *Перуне*, считавшимся в XVIII в. главным божеством;

- ономастические данные (топонимы, гидронимы).

Очень важен в «Слове» *метонимический способ мышления* о мире:

«приломить копие» – начать битву

«взять ногу в стремя» – выступить в поход

Таким образом, лингвистический анализ текста «Слова» предполагает:

- поиск аргументов, подтверждающих подлинность «Слова» как письменного памятника домонгольского периода;

- обоснование сложного характера языка памятника:

- а) анализ языковых явлений, относящихся только к списку XV-XVI вв.,

- б) соотношение книжных черт (аллитерация, повтор, антитеза, риторический вопрос) и черт, сближающих «Слово» с памятниками народно-литературного языка (мифологемы, связанные с языческим миром; тюркизмы; система конкретной лексики; фольклорные метафоры, метонимический способ мышления о мире; доминирование глагола как наиболее динамичной части речи).

Для самостоятельной работы

- Проанализировать следующие лингвистические исследования «Слова»:
Адрианова-Перетц В. П. Фразеология и лексика «Слова» // «Слово» и памятники Куликовского цикла. – М.-Л., 1966.
Барсов Е. В. «Слово по полку Игореве» как художественный памятник Киевской дружинной Руси. – М., 1889.
Баскаков Н. А. Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». – М., 1985.
Винокур Г. О. К вопросу о языке «Слова о полку Игореве» // «Слово» и его время. – М., 1985.
Горський В. С. Світоглядно-філософський зміст «Слова». Морально-етичні уявлення в давньоруській культурі XII ст. // Філософська думка. – 1985. - № 5, 6.
Максимович М. А. Собр. соч. – Киев, 1877, т. 2. – С. 459-460; т. 3. – С. 557-563.
Німчук В. В. Лексика і фразеологія «Слова» із погляду сучасної діалектології // Мовознавство. – 1987. - № 6.
Німчук В. В. «Слово...» і народна мова // Мовознавство. – 1967. - № 4; 1968 - № 1.
Творогов О. В. Некоторые принципиальные вопросы изучения «Слова» // Словарь-справочник «Слова». – Вып. 1-6. – Л., 1965-1984.
Творогов О. В. Об истолковании «тёмных мест» «Слова о полку Игореве» // Русская литература. – 1985. - № 4.

Задания для текстологической работы

- Какую стилистическую значимость получают устойчивые формулы:
«всьядемь на свои бръзьи комони»
«позримь синего Дону»
«испити шеломомь Дону»
«копие приломити»
«падоша стези»
(Игорь князь) «высьде изь съдла злата, въ съдло Кошиеве».
- Обратите внимание на характер построения средств в «Слове». Каков источник их возникновения.
- Найдите в тексте:
 - а) *развёрнутые метафоры*: образ сева, образ пира, образ соколиной охоты;
 - б) *развёрнутые сравнения* (ср. «крычатъ телегы полунощи, рци лебеди распущены», «Гзакъ бежить сьрымь влькомь», «а Игорь князь поскочи горностаем къ тростию, и бьлымь гоголемь на воду»).
- Какие особенности ораторского стиля, исторических повествований и фольклора сочетаются в «Слове».
- Проанализировать в тексте «Слова» стилистические приёмы, сближающие его с произведениями высокой книжности (рефрены, антитезы, аллитерации, риторические вопросы; употребление старославянизмов и др.).
- Проанализировать речевые явления, сближающие «Слово» с памятниками народно-литературного типа языка.

Граффити как источник изучения истории языка

Комментарий

Граффити (от лат. *graffiti* – выцарапать) – посвятительные, магические, бытовые надписи; неофициальные записи, сделанные по инициативе писавших, а не по заказу. Делались на стенах соборов.

Фундаментальное описание граффити представлено в работах С. А. Высоцкого [см.: С. А. Высоцкий. Средневековые надписи Софии Киевской. – К., 1976; Древнерусские надписи Софии Киевской. – К., 1966; Киевские граффити XI-XVII вв. – К., 1985].

Резание на стенах храмов строго запрещалось Церковным Уставом Владимира Святославовича. Тексты граффити лаконичны (1-7 строк), так как писались украдкой. Исключением является текст граффити о покупке Бояновой земли (14 строк).

Среди граффити представлены:

1. *Поминальные* надписи –

месяца октября в 5-й день скончалась раба божья Марфа;

в лето 6562 месяца февраля в 20-е успение царя нашего (запись о смерти Ярослава Мудрого).

2. *Благопожелательные* надписи, продолжавшие византийскую традицию «разговора с Богом» - Господи, помоги рабу своему Константину, грешному, избавь от всякой беды.

3. Автобиографические – Иван писал хоудый; Михаил оубогий, а грехом богатый.

4. Надписи, относящиеся к фрескам – Святой Фенон, помилуй раба своего Григория вора.

В Киеве обнаружено свыше 400 граффити: XI в.– 45; XII в.– 124; XIII-XIV вв. – 91.

Памятники делового языка

Сложность лингвистического изучения деловых памятников определяется тем, что они хранились менее тщательно, чем церковные рукописи; в распоряжении исследователей, как правило, находятся поздние списки. Так, например, из более *ста (!)* известных списков «Русской правды» (XI в.) наиболее старым является список 1282 г. (по Новгородской кормчей).

В фундаментальных исследованиях *Е. Ф. Карского* [«Русская правда» по древнейшему списку. – Л., 1930], *А. М. Селищева* [О языке «Русской правды» в связи с вопросом о древнейшем типе русского литературного языка], *С. П. Обнорского* [«Русская правда» как памятник литературного языка] обосновано доминирование восточно-славянских речевых элементов, близость этих памятников к живой разговорной речи.

Задания к тексту «Русской правды»

1. Охарактеризуйте лексический строй «Русской правды», выделяя следующие группы:
 - юридические термины
 - наименования лиц по признакам *родства, социального положения, территориальной принадлежности*
 - наименования денежных единиц
 - бытовая лексика.
2. Укажите следы устного права, отразившиеся в тексте «Русской правды».
3. Какое значение для жанра памятника имеет регулярное употребление *инфинитивных предложений* с инфинитивом со значением долженствования.
4. В какой мере текст «Русской правды» имеет приметы кодификации.

Второе южнославянское влияние и его роль в истории русского литературного языка

1. Пересмотр и правка богослужебных книг («второе южнославянское влияние») и связанные с ним культурно-языковые явления).
2. Изменения в графике и орфографии, усложнение синтаксических и тропеических структур в книжно-славянских текстах.
3. Противоречивость оценок учёных роли, причин, характера «второго южнославянского влияния» (А. И. Соболевский, Б. А. Ларин, Д. С. Лихачёв, Л. П. Жуковская).
4. Эволюция книжно-славянского типа языка XI-XVI вв. Формирование стиля «плетения (извития) словес» и его распространение в агиографической литературе («Житие Стефания Пермского», «Житие Епифания Премудрого»).
5. Значение «второго южнославянского влияния» в истории русского литературного языка.

Литература:

1. Ларин Б.А. Лекции по истории русского литературного языка (X-сер. XVIII вв.). – М., 1975. – С. 237-250.
2. Ремнёва М.П. История русского литературного языка. - ., 1995.
3. Соболевский А.И. История русского литературного языка. 4-е изд. – М., 1907.
4. Лихачёв Д.С. Некоторые задачи изучения II южнославянского влияния // Доклад на IV съезде славистов. – М., 1958.
5. Лихачёв Д.С. Культура Руси времени Андрея Рублёва и Епифания Премудрого. – М.-Л., 1962.

6. Жуковская Л.П. Грецизация и архаизация русского письма второй половины XV-н.XVI вв.(об ошибочности понятия «II южнославянское влияние») // Древнерусский язык в его взаимоотношениях со старославянским: сб.ст. – М., 1988.
7. Дин Уорт. Так называемое «второе южнославянское влияние» в истории русского литературного языка // Доклады на IX Международном съезде славистов. – К., 1983.
8. Соболевский А.И. переводная литература Московской Руси XIV-XV вв. – СПб., 1903.
9. Тихомиров М.Н. Культурная жизнь России в XIV-XV вв. // Тихомиров М.Н. Русская культура X-XVIII вв. – М., 1968.
10. Успенский Б.А. Избр. труды в 2-х томах. – Т.2. Язык и культура. – М., 1994.
11. Успенский Ф. Очерки по истории византийской образованности. – СПб., 1894.
12. Флоренский П. Троице-Сергиева Лавра и Россия // Русская литература, 1989, № 2.

Термин «*второе южнославянское влияние*» был введён в научный обиход академиком А. И. Соболевским ещё в конце XIX века. В речи, произнесённой им на годовичном собрании Археологического института 8 мая 1894 года, известный историк языка отметил: «Если мы сопоставим наши рукописи половины XV в. с южнославянскими XIV-XV вв., то заметим между ними поразительное сходство».

Учёный обратил внимание на изменения *внешнего* облика рукописей, основательно описал прежде всего *графические* и *орфографические* правки:

1. Старший полуустав сменяется младшим полууставом (в этом, по мнению А.И.Соболевского, ясно выражается зависимость от южнославянской графики).
2. Появляются новые начертания букв: остроугольные, прямоугольные исчезают, появляются округлые буквы, характерные для южнославянского письма. В дальнейшем учёным было доказано влияние греческого *минускульного* письма на графические изменения восточнославянских рукописей.
3. В рукописях восстанавливаются буквы («красоты ради, а не истины»): (юс большой), (юс малый), (омега), U (пси), (кси).
4. Широко внедряются *идеографические* элементы письма: «человек», «око», «окрест», «Адам», «почивший» (крест ставится перед именем покойного).

Идеографическое написание принимается для ряда числительных:

- «ворон» (10 миллионов)
- «колода» (100 миллионов)

Эти числительные воспринимались как предел счёта: «Как 10 воронов, так колода. Аминь».

5. Традиции минускульного письма (при южнославянском посредничестве) сказываются и в *подборе красок, рисунках*, главное – в *характере орнамента*, сопровождающего рукописи. Традиционный для древнерусских рукописей *зооморфный, плетёночный, растительный орнамент сменяется* так называемым «балканским», «неовизантийским» орнаментом, в основе которого – абстрактные геометрические фигуры.
6. В рукописях второй половины XIV-начала XV вв. обогащается *пунктуация*: меняются функции запятой, точки, точки с запятой и двоеточия, приближаясь постепенно к современному значению.
7. Существенными были изменения в орфографии:
 - написание « » перед гласными: Иисус
 - отсутствие йотации в словах: СІА, ВЕЛИКАА, ВСЕА, ВРАЖІА
 - после плавных последовательно восстанавливается Ъ: ПЛЪН, ПРЪЛЬСТИ, ЧРЪНЫЦЪ
 - последовательно восстанавливаются старославянские формы (Щ – вм. Ч, ЖД – вм. Ж, юсы (М СО, Д ХЪ) преимущественно пишутся в корне слова (по образцу болгарских и сербских рукописей)).

Эти изменения в орфографии были суммированы А. И. Соболевским следующим образом:

- *обращение к старославянским принципам написания способствовало отдалению книжного языка (книжно-славянского типа) от разговорной речи;*
- орфографическая правка способствовала установлению более или менее устойчивых правил правописания на старославянской (южнославянской) основе;
- в рукописях были исправлены многие привнесённые недостаточно образованными переписчиками *неточности, искажения, ошибки*. Освобождение от многих территориальных языковых особенностей, по мнению учёного, способствовало приближению к эталонному языку первых старославянских переводов (воспринимавшихся как сакральные).

Выводы академика А.И.Соболевского во многом определили направления дальнейших исследований историков языка: *«Ясно, что между половиной XIV и половиной XV вв. русская письменность попала под очень сильное влияние южнославянской письменности и в конце концов подчинилась этому влиянию»*. Этот тезис академика Соболевского свидетельствует о несколько прямолинейном понимании сложнейших лингвокультурных явлений средневековья. Современные исследователи по-разному оценивают «второе южнославянское влияние», объясняют причины правки богослужебных книг. По-видимому, сложность, многоаспектность этого процесса предопределили неоднозначность его трактовки. Дискуссионными остаются вопросы:

- причины правки рукописей (*почему произошли изменения?*)
- датировка правки рукописей (*когда наблюдаются последовательные изменения сакральных текстов?*)
- характер и объём «южнославянского влияния» (иными словами, можно ли ограничиться констатацией графических и орфографических изменений в

текстах рукописей: можно ли говорить о южнославянском влиянии как общекультурном процессе?).

Остаётся дискуссионным вопрос о *причинах* правки рукописей (книжно-славянских). В связи с этим некоторыми исследователями (например, проф. Жуковской Л. П., американским славистом Дином Вортом) оспаривается сам термин «южнославянское влияние».

Как уже отмечалось, академик Соболевский А. И. соотнёс многочисленные графические и орфографические изменения в текстах рукописей с ориентацией на южнославянские образцы. Такие «эталонные рукописи» создавались в известнейших духовных центрах – *Афоне, Охриде, Тырново*. XIV век – расцвет литературы, научной деятельности на Балканах. Именно в это время крупнейшие монастыри Сербии, Болгарии становятся местами паломничества многих восточнославянских деятелей культуры. В монастырях Охрида, Преслава, Афона книжники изучали оригинальную и переводную литературу, изготовляли для себя копии наиболее ценных произведений. После падения Византии, Болгарии, Сербии многие южнославянские книжники эмигрировали в Московскую Русь и занимались исправлением переводов основных богослужебных книг (Евангелия, Псалтыри), пострадавших от переписки необразованными писцами. В связи с этим хорошо известна деятельность *Киприана* и его последователей – *Пахомия Серба* и *Григория Цамблака*. Так, например, заметное влияние на формирование норм старорусской письменности оказывают представители *Тырновской книжной школы*, у истоков которой стоял *патриарх Евфимий* (митрополит Киприан, организатор правки книг был талантливейшим учеником Евфимия; после османского завоевания Тырново активная деятельность книжной школы прерывается в 1393 году).

Таким образом, по мнению А. И. Соболевского (эта точка зрения в течение длительного времени воспринималась как традиционная), исправление рукописей связано с деятельностью *авторитетных эмигрантов из Болгарии и Сербии*. По-видимому, новое культурное движение было перенесено в Московскую Русь не механистически отдельными эмигрантами с Балкан, а возникло в результате широкого культурного взаимодействия *Афона, Константинополя, монастырей Сербии и Болгарии* (такая точка зрения представлена в наиболее фундаментальных славистических исследованиях последних лет; впервые об этом – см. Лихачёв Д. С.).

Правку книг некоторые исследователи рассматривают как автохтонное явление – возвращение к традициям древнерусской письменности домонгольского периода (см. работы проф. Б. А. Ларина, проф. Л. П. Жуковской, Дина Ворты), реставрацию старокнижных традиций литературного языка. При этом оспаривается сам термин «южнославянское влияние». Так, например, известный американский славист Дин Ворт (Dean Worth) предлагает различать, с одной стороны, собственно *лингвистические и риторические* (стилистические) явления при исследовании процесса правки книг. В проблемном докладе на IX съезде славистов учёный обосновывает вывод об автохтонности процесса, языковой архаизации на собственно

восточнославянской основе. Генетический анализ графических, фонологических, морфологических черт текстов рукописей показывает, согласно Д. Вурту, что лишь в 25 % случаев такие исправления основываются на болгарско-сербских источниках, остальные изменения связаны и с более глубоким греческим влиянием (наблюдается перенесение на русскую почву поздневизантийского «*аттицизма*», т.е. *неоклассицизма*). После падения Византии, Сербии и Болгарии Московская Русь оставалась единственным государством, где православная церковь пользовалась поддержкой светской власти (доктрина «Москва – третий Рим»).

Оспаривает правомерность термина «второе южнославянское влияние» и проф. Жуковская Л. П., называя процесс правки книг «грецизацией» и архаизацией, т.е. сближением восточнославянских рукописей с греческими оригиналами (согласно Жуковской Л. П., все графические и орфографические изменения свидетельствуют не столько о южнославянском, сколько о возвращении к древнегреческим традициям, т.н. «материнскому языку»).

Новейшие палеографические исследования (в частности появление фундаментальных пособий по *филиграням* Шарля Бриле, Н. П. Лихачёва) позволили уточнить ВРЕМЯ (хронологические рамки) правки книг. Если традиционно назывался период XIV – начала XV в. (вслед за А. И. Соболевским), то более скрупулёзное палеографическое исследование филиграней (водяных знаков) позволило обозначить иные временные рамки – конец XV – начало XVI в. (т.е. на столетие позже, чем это было традиционно определено Соболевским). Таким образом, во многом иными представляются и причины такой правки. Так, по мнению проф. Жуковской Л. П., процесс архаизации рукописей не связан с падением Византии, Болгарии и Сербии, а объясняется первыми попытками кодификации, основанных на древнегреческих образцах (ориентация на древнегреческие сакральные тексты).

На наш взгляд, значительно более сложным и глубоким является ответ на другой вопрос: каков характер этого влияния? можно ли отождествить понятия «второе южнославянское влияние» и «правка книг»? правомерно ли рассматривать лишь чисто формальные (графические, орфографические) изменения текстов рукописей? можно ли говорить о втором южнославянском влиянии в живописи, архитектуре, других сферах культуры этого периода?

По мнению академика Д. С. Лихачёва, с южнославянским (глубже – византийским) влиянием в Московскую Русь были *привнесены новые художественно-познавательные ценности, созвучные «Восточноевропейскому Предвозрождению»*.

Искусствоведы отмечают глубокую связь русской живописи этого периода с т. н. «*Палеологовским Ренессансом*». По мнению известного историка культуры В. К. Лазарева, связь с Палеологовским Ренессансом была настолько широкой, что «*значительно труднее найти памятник русской живописи XIV-XV вв., в котором эта связь не могла быть отмечена*».

Особенно важным было это воздействие на формирование Новгородско-псковской школы монументальной живописи XIV-XV в. [см. об этом в работах В. Д. Лихачёвой, В. К. Лазарева]. Знаменитые фрески Снетогорского монастыря

и Церкви Рождества Богородицы свидетельствуют о том, как «Палеологовский Ренессанс» порождает с местными традициями новые школы (в частности, иконописи). В изобразительном искусстве весьма важным было болгарское и сербское посредничество византийскому влиянию.

Таким образом, южнославянское и византийское воздействие представляет собой сложный культурологический процесс. Основываясь на понятии синкретичности средневековой культуры, представляется правомерным говорить не столько о правке книг (безусловно, этот процесс объективно наблюдался), а об общекультурном процессе, нашедшем отражение в развитии архитектуры, монументальной живописи, иконописи, словесного искусства.

Процесс правки книг заключался не только в изменении внешнего облика рукописей. Более глубокими и важными были изменения на уровне текста – изменения прагмо-семантических характеристик богослужебных текстов (прежде всего агиографических, проповеднических), формирование особой риторической манеры – пышного «плетения (извития) словес». Идея сакральности текста, его утонченности и изысканности была основана на этико-философских исканиях южнославянских (болгарских и сербских) книжников, восходит к духовным поискам афонских аскетов.

Представляется необходимым включить этот эмоционально-экспрессивный стиль «плетения словес» в широкий культурный контекст, попытаться охарактеризовать эти произведения сквозь призму восприятия средневекового книжника.

Теоретической основой стиля «плетения словес» явилось византийское философско-религиозное учение XIV-XV вв. ИСИХАЗМ.

Исихазм (от греч. ἡσυχία – покой, безмолвие, отрешённость) как учение египетских и синайских аскетов возникло ещё в IV веке н.э. В широком смысле исихазм представляет этико-эстетическое учение о пути верующего человека к единению с Богом через «очищение сердца» слезами, при помощи средоточия сознания о себе самом. В связи с этим основоположниками исихазма была разработана особая система психофизического самоконтроля (сидячая поза, регулярное дыхание, многократно повторяемая т. н. «умная» молитва).

Именно это направление исихазма было воспринято и развито в XIV веке византийским философом Григорием Синаитом (жил на Афоне) и его русским последователем, главой т. н. «нестяжателей» Нилом Сорским (1433-1508). Так, например, для Нила Сорского наиболее важным в исихазме стала идея о необходимости сосредоточенности верующего на своём внутреннем мире.

Философская основа исихазма связана с именем Григория Паламы (1296-1359), его доктриной о «несотворённости Фаворского света». Главным в учении Г. Паламы явился тезис о различии божественной сущности и его энергий (самовыявления). Сущность Бога пребывает в себе и непостижима для человека; энергии Бога пронизывают мир и сообщаются верующему.

Аскет-исихаст в состоянии экстаза может непосредственно воспринимать неведущее излучение Бога, т.н. Фаворский свет (согласно Евангелию, его видели апостолы на горе Фавор) [подробнее об этом см.: Успенский Ф. Очерки

по истории Византийской образованности. – Спб., 1891]. Для «разговора с Богом» необходим особый, изысканный язык, язык для «посвящённых». Принципы выработки такого «сакрального языка», ориентированного на строгие книжные нормы, были выработаны *Евфимиевской книжной реформой* (реформа принципов перевода с греческого, реформа графики и орфографии).

Константин философ Костенческий главным считал обострённое до фанатизма отношение к каждому внешнему, формальному явлению языка и письма. *Каждая особенность графики, написания имеют свой смысл, являются значимыми.* Для средневекового книжника слово и сущность – неотделимы друг от друга, отсюда – беспокойство о каждом случае расхождения между ними (это воспринимается как ересь). Таким образом, текст воспринимается как явление *сакральное*.

Для книжника обычным было антропоморфное восприятие слова, отдельных букв: *гласные* ассоциировались с женским началом, *согласные* – с мужским, надстрочные знаки воспринимались как головные уборы для женщин.

Известнейший духовный деятель родоначальник Тырновской книжной школы патриарх *Евфимий Тырновский* соотнёс принципы реформирования литературного языка с философскими постулатами исихазма (сам он тоже был исихастом).

Согласно Евфимию, слово, обозначающее священное понятие, так же священно, как и само явление. Книжные тексты при этом воспринимались как «божественные письмена», «письмена для избранных», для *искушённых* в чтении божественных писаний.

При этом Евфимиевские правила строго отделяли конфессиональную (церковную) письменность от деловой, противопоставляя *исправные* (для знатоков письменности) книги *растленным* (для невежд).

Витийственный стиль XIV-XV вв., сформировавшийся в Болгарии и Сербии, основан на восприятии книжного языка как *явления сакрального*, на тех воззрениях на сущность языка, которые лежали в основе *Евфимиевской книжной реформы*.

Главный тезис: слово выражает сущность явления. Познать явление можно только при помощи слова. Отсюда – *нетерпимое отношение средневекового книжника ко всякого рода исправлениям, искажениям, ошибкам.* Ведь сакральным текстам (языку церковных писаний) отводилась главная роль в познании мира. *Этим во многом объясняется важность буквального перевода* (т. н. неконвенционального подхода к эталонному тексту), привязанность к традиционным формулам, обилие цитат из Священного писания.

Книжник уподоблял письменное произведение иконе («словесная икона»), формировал своеобразное произведение для поклонения, стремился к тому, чтобы словесное выражение вызывало такое же чувство, как и само явление.

Таким образом, *исихастское отношение к слову как выражению сущности явления было чрезвычайно важным для выработки «эталонного языка».*

Следствием развития исихазма в Московской Руси (в Троице-Сергиевой лавре творили крупнейшие деятели эпохи – *Епифаний Премудрый*, *Андрей Рублёв*) было значительное усиление внимания к внутреннему миру человека, его психологии. «Безмолвие» исихастов заставляло глубже проникать в тайну слова, верить в его божественную силу (для исихастов – слово одно из проявлений Фаворского света). При этом главным для исихастов в слове, средоточием сакральности являлась его *фоническая сторона*.

Стиль «*плетения словес*» основан именно на особом отношении к *звуковой* стороне слова (отсюда многочисленные *аллитерации*, *асонансы*), *этимологии* (традиционное использование *тавтологии*, *парономасии*), тонкостям семантики (один из важнейших риторических приёмов – *амплификация синонимов*); любовь к словесным *новообразованиям* (созданным по модели древнегреческих сложных слов).

Житие святого должно, по мнению книжника, отразить частицу его сущности, вызывать такой же пиетет, такое же благоговение, которое вызывал сам святой. Агиографический текст («плетение словес» в полной мере выразилось именно в агиографии) поэтому воспринимался как экспрессивный. Пышность, вычурность, витиеватость агиографических, панегирических произведений преследовала определённые цели – поднять события жизни святого над обыденностью, рассмотреть их под знаком вечности.

Зыбкость материального («растленного»), телесного, непреходящий характер всех духовных явлений – таков мировоззренческий принцип автора агиографических произведений. Отсюда и постоянные аналогии со Священным писанием, особый подбор т. н. прецедентных текстов (Евангелие), усиливающих абстрактный характер описания.

Все риторические приёмы средневекового книжника должны создавать впечатление не выразимой словами глубины, таинственности явления.

Безусловно, с точки зрения современного читателя воспринимаются как избыточные многочисленные *тавтологии* («устрашенный страхом», «запрещением запретить», «учить учением», «начинающе начинание»), однако для средневекового человека такое извитие не только свидетельствовало о мудрости автора, но и придавало значительность всему тексту.

Средневековый книжник сравнивал себя с составителем букетов из цветов – произведений предшественников. Вот почему заимствования, компиляции были привычными.

Важную роль в создании экспрессивности текста играли синонимы. *Амплификация синонимов* (нанизывание) признаётся лингвистами одной из ярких черт стиля «плетения словес».

Употребление семантически близких слов в непосредственной близости друг от друга известно ещё с античности. В парных сочетаниях, согласно А. А. Потебне, «итог указывает на изменение состояния самого говорящего, именно когда повторение слова вызвано чувством, замедляющим течение мысли» [см. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. – Т.3. – М., 1968. – С. 344].

Художественная функция употребления семантически близких слов и словосочетаний в стиле «плетение словес» совершенно иная. Очень точно об этом писал Д. С. Лихачёв: «Здесь синонимы обычно ставятся рядом, не слиты и не разделены. Автор как бы колеблется выбрать одно, окончательное слово для определения того или иного явления, ставит рядом несколько синонимов, равноценных друг с другом. В результате внимание читателей привлекают не оттенки и различия в значениях, а то самое общее, что есть между ними» [см. Д. С. Лихачёв. Культура Руси времени Андрея Рублёва и Епифания Премудрого. – М., 1962. – С. 56]. В результате такой амплификации характер изложения максимально абстрагируется, до предела усиливается экспрессивность и эмфатичность текста.

Нанизывание синонимических сравнений также позволяет, по мнению авторов, сохранить таинственную многозначительность слов: «младенца в утробе носящи, яко некое сокровище многоценное, яко драгый камень, яко чудный бисеръ, яко съсуд избран» («Житие Сергия Радонежского»).

Усиливает такой эффект и повторение о невежестве самого автора, сравнения себя с неговорящим младенцем, со слепым слепцом.

Тончайшую словесную паутину средневековый автор создаёт при помощи многочисленных эпитетов («радостный плач», «богопустный гнев»).

Сочетание сходных сравнений (синонимичных) лишает их конкретности. Завораживающие созвучия, ритмические повторения создают особую экспрессивность текста.

Неологизмы, созданные по модели греческих сложных слов, усиливают впечатление о «возвышенности», «учёности» текста: «зломудрец», «волкохищный», «благолиственно», «многоплачие» и др.

Как уже отмечалось, наиболее ярко «извитие словес» проявлялось в агиографических текстах («Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича», «Житие Стефания Пермского», «Житие Епифания Премудрого»). Однако в исследуемый период «плетение словес» заметно и в повествовательной литературе («Сказание о Мамаевом побоище», «Повесть о взятии Царьграда»).

В книжно-славянских текстах (агиографических, проповеднических, патристических) кодифицировалась т. н. *строгая книжная норма*. По мнению чешского лингвиста А. Едлички, «функцию кодификации в средневековье выполняли образцовые литературные произведения, в которых была реализована современная им норма» (отметим, что об авторитетности средневекового текста свидетельствует количество дошедших до нас списков и частота цитирования).

Для *строгой нормы* характерны:

1. Сложная система прошедших времён глагола (аорист, имперфект, плюсквамперфект).

2. Использование конструкции «дательный самостоятельный» (ДС) является устойчивым признаком грамматической нормы книжно-славянского типа языка, обязательный элемент книжно-славянского языка. «ДС следует считать синтаксическим церковнославянизмом, одним из элементов высокого

стиля изложения» [Белорусов Д. И. Дателный самостоятельный в памятниках церковнославянского и древнерусского письма // Русский филологический вестник. – Варшава, 1899. - № 1]. Обращаясь к вопросу о происхождении ДС, Д. С. Белорусов писал: «церковнославянский синтаксис развивался под воздействием греческого синтаксиса. ДС – полное соответствие греческому родительному самостоятельному... Нет сомнения в том, что будучи сначала лишь переводом древнегреческого «родительного самостоятельного», ДС очень рано начал свою собственную жизнь в древнерусском литературном языке (расширилась сфера употребления и совокупность передаваемых значений). Средневековые книжники использовали ДС для описания важнейших исторических, религиозных и политических событий.

3. Рассматриваемые тексты (житийные и ораторские произведения) сохраняют и другие архаичные грамматические черты: формы звательного падежа существительных, двойственного числа, форм усечённых прилагательных и др.

Задания к тексту «Житие Стефания Пермского» Епифания Премудрого

4. Докажите литературно-книжную широкую представленность элементов церковнославянского характера.
5. Выделите явление новой славянизированной орфографии (появление архаичных написаний).
6. Найдите приметы стиля «плетения (извития) словес»:
 - антитеза как способ организации текста
 - амплификация синонимов
 - плеоназмы и тавтология (цепи однокоренных образований как экспрессивная разновидность повтора)
 - образование сложных слов как способ расширения ассоциативных связей
 - семантически сложные эпитеты, подчёркивающие «идеальный признак, составляющий его «вечный» и духовный смысл» (Д. С. Лихачёв).

Грамматические строгие нормы старорусского литературного языка (книжно-славянского типа языка) закреплены и описаны в первых научных восточнославянских грамматиках – «Грамматике Максима Грека» и «Грамматике славенской правильное синтагма» Мелетия Смотрицкого.

Специфика эволюции языковой нормы состоит в том, что языковые процессы определяются представлениями о языке самих носителей языка. В связи с этим особую эвристическую ценность представляет реконструкция языкового сознания.

Изучение глосс, исправлений в ходе процесса «книжной справки», аргументация во время богословско-лингвистических споров дают возможность выявить отдельные принципы видения языка его носителями, однако не формируют целостную картину.

Ключевое значение для реконструкции языкового сознания книжников имеют данные грамматик. Особое место в развитии филологической традиции занимают первые грамматики славянского языка (книжно-славянского), созданные в XVI-XVII вв. в Украине. «Тематическое разнообразие в сочетании с систематизированностью разработки основных тем делают жанр грамматик XVI-XVII вв. самой универсальной и полной для своего времени книгой о языке [Мечковская Н. Б. Ранние восточнославянские грамматики / Под ред. А. Е. Супруна. – Минск, 1984. – С. 35]. Систематизируя нормативные формы, представляя правила их образования, грамматики концентрируют наиболее специализированные знания о языке, эксплицируют языковой идеал социума.

Важнейшими источниками для истории литературного языка являются грамматики Лаврентия Зизания (1596) и Мелетия Смотрицкого.

Лаврентий Зизаний (50-60-е гг. XVI в. – после 1634 г.) – видный учёный, переводчик, протоиерей, «словеснейший дидаскал и вития». Преподавал во Львовской, Виленской братских школах, учительствовал у князей Острожских. С 1619 г. работал в Киеве в составе учебного кружка *Елесея Плетенецкого* в Киево-Печерской лавре, занимался переводами с греческого, составил Катехизис. В историю лингвистической мысли вошёл и как автор первого печатного словаря «Лексис» (1596).

Мелетий Смотрицкий (1568-1633) (до принятия монашеского чина – Максим). Начальное образование получил в школе в Остроге, первым ректором которой был его отец. Изучал философию в иезуитской школе. Много путешествовал по Западной Европе (в Германии). После возвращения из-за границы преподавал в Киевских братских школах, был ректором Киевского братского училища.

Появление первых грамматик «словенского языка» именно в это время в Украине было закономерным. После второго южнославянского влияния языковая ситуация в Украине формируется по западноевропейской модели. Здесь сосуществовали два литературных языка: церковнославянский (в особой редакции) и «проста (руська) мова».

Наличие двух конкурирующих литературных языков определяет более строгий подход к системе требований, предъявленных к языку, необходимость теоретического обоснования его достоинства.

Создание грамматик связано с новым, *аналитическим* способом осмысления языка (систематизация языковых элементов и правил выбора); с новым подходом к нормированию языка (собственно кодификация в отличие от представления нормы в образцовых текстах); с новыми методами обучения языку (объяснение правил, в отличие от многократного повторения нормативных текстов).

Между тем, в Московской Руси, реализующей восточную культурную модель, в качестве литературного языка в это время продолжает функционировать церковнославянский (русской редакции). При этом доминирует традиционное неконвенциональное (безусловное) отношение к нему как средству выражения Богооткровенной истины [см. об этом подробнее: Успенский Б. А. Избранные труды. – Т.1. – С. 7-25].

Источники грамматических трудов Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого – грамматическое описание классических языков, принятое в братских школах. С одной стороны, это связано с представлениями об универсальности грамматических систем литературных языков.

С другой стороны, проблема грамматического описания соотносилась с вопросом о *достоинстве* (dignitas) славянского языка. Признание за славянским языком статуса классического языка «Греко-славянского мира» («славянская латынь») предполагало свойственную классическим языкам грамматическую организованность. Иными словами, славянский (церковнославянский) язык мог быть описан по грамматической модели греческого и латинского языков [см. об этом: Живов В.Н. Славянские грамматические сочинения как лингвистический источник // Russian Linguistics. – 1986. - № 10].

Согласно классическому канону, грамматики состоят из следующих разделов:

1. *орфография* (фонетико-орфографический раздел),
2. *просодия* (учение о разных видах ударения и учение о стихотворных размерах),
3. *этимология* (морфология, учение о восьми частях слова),
4. *синтаксис* (правила «сочинения осмии частей слова»; учение о тропах и фигурах).

Орфография является наиболее традиционным разделом в обеих грамматиках, восходящим к тырновскому пониманию письма. Основные трудности славянского письма связаны с выбором дублетных букв.

В качестве основного принципа графико-орфографической кодификации в грамматиках XVI-XVII вв. используется *орфографическая дифференциация грамматической омонимии* (эта тенденция появилась как результат второго южнославянского влияния – см. трактат «О письменехъ» Константина Костенеческого). Так, например, дублетные буквы -а, -о дифференцируют омонимичные формы единственного и множественного числа.

Принцип семантизации знаков письма реализовывался и в кодификации древнейшей идеограммы – *написании сакральных слов под титлом*: БГЪ, ІС, ХС. Именно в процессе правки книг *титло* становится «*знаком сакральности*» (Б. А. Успенский).

В отличие от традиционного раздела «Орфография», по духу принадлежащего «вчерашнему дню» (Н. Б. Мечковская), «*Этимология*» (морфология) представляла новаторские подходы к описанию восьми частей речи и их «последующих» (то есть грамматических категорий – рода, числа, падежа, степени сравнения, времени, наклонения, залога и др.).

Как известно, «Грамматика» Лаврентия Зизания была адресована ученикам, а «Грамматика» Мелетия Смотрицкого – учителям. Обращение к разной аудитории определило и разный *метаязык*: в «Грамматике» Зизания комментарии даются на «*простой мове*». «Грамматика» Мелетия Смотрицкого адресована более искущённому читателю.

Особая вопросно-ответная форма (катехизисная) была наиболее доступной для восприятия учеников («спудеев», «младенцев»).

«Грамматика» Смотрицкого несколько раз переиздавалась (наиболее известное переиздание 1648 г.: исправления внесли иосифовские справщики).

Таким образом, грамматики Зизания и Смотрицкого дают ключ к пониманию литературного языка XVI-XVII вв.

В живой разговорной речи наиболее существенные изменения происходят в системе глагола, особенно его временных форм. *Аорист*, *имперфект* воспринимаются как устаревшие формы. Светские стили, «деловой язык», развивавшийся особенно динамично, опирались на новые языковые средства.

Употребление перфекта со связкой (ПОВЕЛЬЛЪ ЕСМЪ) характерно в официально-деловых документах как стилеобразующий элемент.

Почти не употребляются формы *аориста* (вытеснены перфектом без связки). Активизация употребления аориста наблюдается лишь в памятниках книжно-литературного типа в XV в.

Происходит закрепление *–ся* в качестве постфикса. Как известно, в древнерусском языке *–ся* свободно употреблялось от глаголов, находясь в препозиции и постпозиции. В письменных текстах употребление препозитивного *–ся* сохраняется до XVI в.

Звательный падеж перестаёт восприниматься как форма живого языка и употребляется в Московских грамотах лишь в случаях обращения к князю (КНЯЖЕ, ГОСПОДИНЕ).

В приказном языке наблюдается параллельное употребление форм инфинитива:

чинити – чинить
привести – привести

Завершается унификация типов склонения имён существительных.

В деловой речи XVI в. перестают употребляться энклитические формы местоимений МИ, ТЯ, СЯ.

Появляются новые формы указательных местоимений: СЕЙ, СИЯ, СИЕ.

За краткими формами прилагательных закрепляется функция сказуемого (предиката), роль атрибута выполняют лишь полные формы прилагательных.

В разговорной речи прекращается употребление второго будущего времени:

БУДУ КУПИЛЪ
БУДУ НАЧАЛЪ

Они попадают в состав архаичных речевых средств и соотносимы лишь с книжными стилями.

В развитии народно-литературного типа языка Московской Руси возникло противоречие между ориентацией на живую разговорную речь (в лексике, фразеологии, синтаксисе) и на книжные традиции (в морфологии).

В памятниках народно-литературного типа языка реставрация старокнижных традиций отразилась лишь частично. Так, например, в «Хожении за три моря» Афанасия Никитина последовательно употребляются формы *аориста*, *перфекта* со связкой, формы двойственного числа.

Динамично развивается словарный состав старорусского языка.

В этом отношении показателен язык «Домостроя». I часть включает главы, трактующие нормы *нравственного* поведения человека. Это мотивирует насыщенность глав книжно-славянскими языковыми элементами, широкое включение архаичных форм.

II часть посвящена бытовым и хозяйственным вопросам, поэтому в главах преобладает общеупотребительные и новые слова.

Представляет исследовательский интерес «*Назиратель*» - практическая энциклопедия для огородников и садоводов. Наставления:

- приготовление пищи
- свадебный обряд
- воспитание детей
- ведение хозяйства

Особенно динамично в Московской Руси в XV-XVI вв. развивается деловой («приказный») язык. Основанный на московском *койне*, он получает определённую литературную обработку.

Сложившись по преимуществу на материале юридических актов и договоров, приказный язык начинает (особенно в XVI в.) употребляться значительно шире – в повествовательных, исторических, географических произведениях; в руководствах по ведению хозяйства; лечебниках; поваренных книгах.

В литературной обработке разных видов деловой речи важную роль играли служащие «посольского приказа».

Для самостоятельной работы

Познакомьтесь с принципами организации словника «Словаря обиходного русского языка Московской Руси (XVI – XVII вв.). Проект» / Под ред. О. С. Мжельской. – СПб., 2000.

Комментарий.

Проект словаря был предложен проф. Б. А. Лариным ещё в 1959 г., однако рукопись с заметками о будущем словаре была опубликована значительно позже [см. Ларин Б. А. Заметки о «Словаре обиходного языка Московской Руси / Публ. С. С. Волкова // Вопросы теории и истории языка. – СПб., 1993. – С. 5-9].

Словарь обиходного русского языка XVI – XVII вв. – толковый исторический словарь – основан только на памятниках делового письма, демократической литературы, фольклорных произведениях, разговорниках. Среди основных источников словаря:

- памятники деловой письменности XVI – XVII вв. (официально-деловые памятники – судебные кодексы, уложения 1649 г., грамоты-указы, административно-управленческая переписка, документы делопроизводства, отказные, таможенные книги, вести-куранты, посольские статейные списки);
- памятники частно-деловой письменности (духовные, купчие, кабальные грамоты, челобитные);
- семейная и дружеская переписка;

- русские повести XVI – XVII вв., особенно посадская литература;
- русская демократическая сатира XVII в.;
- записи былин и исторических песен XVI – XVII вв.;
- сборники пословиц XVII вв.;
- записи русской речи иностранцами, представленные в разговорниках и словарях XVI – XVII вв., предназначенных для изучения русского языка иностранцами.

Ценными по заключённым в них фактам обиходной речи XVII в. оказались изданные Сектором лингвистического источниковедения Института русского языка под ред. С. И. Коткова «Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII – XVIII вв.» (М., 1964 г.); «Московская деловая и бытовая письменность XVII в.» и др.

Хронологические рамки «Словаря обиходного языка» (далее – СОРЯ) – вторая половина XVI – н. XVIII в., то есть начальному этапу образования национального русского языка [Б. А. Ларин].

Словарь задуман как дифференциальный, так как он не включает церковно-книжную лексику: «Хотя мы дифференцируем живую разговорную лексику от книжной, известной и употребляемой только в кругу учёных людей Московской Руси... мы не будем избегать славянизмов, широко известных в разных жанрах письменности Московской Руси» [Б. А. Ларин, 1993, с. 8].

По мнению Б. А. Ларина, СОРЯ должен отразить происходящий процесс формирования общенародной обиходно-разговорной речи, ставшей важнейшим компонентом словарного состава русского литературного языка названной эпохи. «Разговорная речь Московской Руси в её сложном многообразии и развитии (XV – XVII вв.) должна изучаться как предпосылки и глубокая основа национального языка» [Ларин, 1961, с. 26].

Проф. Ларин Б. А. понимал «обиходный язык как язык устного общения и частных деловых документов, лишённых политического, общегосударственного значения». Учёный имел в виду наддиалектную систему разговорной речи, постепенно формировавшуюся в XV – XVII вв. и именовавшуюся в ту эпоху «просторечием»: «Существенно то, что под обиходным языком Московской Руси мы понимаем ... именно *общий* разговорный язык, а не узко локальный тип и не узко социальный... Обобщение тут законно, потому что соответствует ясно проявляющейся в эту эпоху тенденции к устранению специфически местных и специфически сословных отстоев в языке, тенденцию к выработке общего, общепонятного разговорного языка... Отражение разговорного языка в письменности XV – XVII вв. всегда обобщено. Обеднено, лишено конкретных деталей, подведено под нормы письменного языка [Ларин, 1993, с. 5-6].

Для самостоятельной работы

Прочитать и законспектировать статью *Н. С. Трубецкого* «Хожение за три моря» как литературный памятник // *Семиотика* / Под ред. Ю. С. Степанова. – М., 1983.

Задания к тексту «Хожение за три моря» Афанасия Никитина

1. Опишите лексический состав памятника.
2. Какова роль экзотизмов? [см. статью Н. С. Трубецкого «Хожение за три моря» как литературный памятник» // *Семиотика*. – М., 1983.]
3. В чём проявляется двойственность языка памятника? Назовите намеренную архаизацию грамматических форм.
4. Каковы функции использования старославянизмов?

Задания к тексту „Домострой”

Прочитать фрагменты произведения:

а) «Како дѣти учити и страхом спасати»

б) «Како избная парядня устроити хорошо и чисто»

1. Определите тип литературного языка фрагментов.
2. Укажите стилевые особенности, свойственные дидактическим произведениям (антитеза, отвлечённая лексика, экспрессивная (оценочная) лексика; синонимы и антонимы; повелительное наклонение; обобщённо-личные, неопределённо-личные предложения).
3. Отметьте стилевые особенности, свойственные деловой письменности (последовательность, логичность, доминирование конкретной лексики (то есть *бытовизмов*)).
4. Особенности, свойственные разговорной речи.

Стабилизация норм русского литературного языка в первой половине XIX в. Пушкинский период в развитии русского литературного языка. Языковое новаторство А. С. Пушкина

Первая четверть XIX в. – расцвет «словесных искусств». Начало XIX в. характеризуется возросшим уровнем образования, содействовавшему освоению европейской культуры. Более весомой становится роль дворянской интеллигенции (Царскосельский Лицей). Возрождается интерес к древнерусской культуре (публикация «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина «наделала много шуму»).

- Особую популярность приобретают кружки, общества «любомудров», изучавших немецкую философию – Фихте, Канта, Шеллинга.

- Общественный резонанс имеет полемика по вопросам языка («Арзамас» - «Иерусалим ума и вкуса»).

- Расцвет салонной поэзии, изобразительного искусства (К. Брюллов, О. Кипренский), музыки (М. Глинка, А. Алябьев) и т.д.

- Известность приобретают журналы «Московский телеграф», «Северная пчела», «Телескоп» и др.

Первая четверть XIX в. – эпоха развития «словесных наук». В эти годы активно работали А. С. Грибоедов, И. А. Крылов, А. С. Пушкин, В. И. Даль, Н. В. Гоголь и др. Именно в это время завершается процесс формирования единых норм литературного языка. Художественная литература оставалась основной сферой, в которой определялись нормы литературного языка.

Определение места различных генетико-стилистических пластов – актуальная проблема становления русского литературного языка Нового времени. Исключительно важная роль в определении *границ* использования генетически различной лексики принадлежала А. С. Пушкину. Благодаря его высокому авторитету среди современников и последователей принципы употребления в литературном языке были восприняты как нормативные.

Как следует понимать положение о том, что в языке А. С. Пушкина в основном сказываются нормы современного русского литературного языка? В связи с этим известный русский лингвист *Б. Н. Головин* писал: «один человек, даже с таким дарованием, какое было у Пушкина, не может ни создать, ни пересоздать язык своего народа. Но он может ... *выявить и показать скрытые в существующем языке возможности*. Поняв и почувствовав новые требования общества к языку, опираясь на народную речь и речь литераторов ... *поэт пересмотрел и изменил приёмы и способы использования языка в литературных произведениях*. «Истинный вкус состоит не в безотчётном отвержении такого-то слова, а в чувстве *соразмерности* и *сообразности*» [«Отрывки из писем, мысли и замечания», с. 52].

Суть языковой реформы А. С. Пушкина состоит в преодолении разобщённости лексических элементов разных генетико-стилистических пластов, в их свободном и органическом соединении. В отличие от предшественников (М. В. Ломоносова, Н. М. Карамзина), Пушкин признаёт за лексикой каждого стиля право быть составной частью русского литературного языка. Новаторским стало признание разговорной речи основным источником литературного языка: «В зрелой словесности приходит время, когда умы, наскуча однообразными произведениями искусства, ограниченным кругом языка *условного*, избранного обращаются к свежим вымыслам народным и странному просторечию (сначала презренному)» [«Опровержение на критики»].

Принципы *демократизации* литературного языка изложены А. С. Пушкиным в статьях «Опровержение на критики», «О поэтическом слоге», «О прозе», «О предисловии господине Лемонте и переводу басен Крылова» [А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т.11].

С Пушкиным связано новаторское, качественное переосмысление традиций русской речевой культуры. В статьях «Мысли на дороге», «Путешествие из Москвы в Петербург» писатель пишет о необходимости создания языка

«общепонятного». В этой новой системе русского литературного языка должны были объединиться на собственно народной языковой основе

- старославянизмы («славяно-русизмы»)
- европеизмы
- русизмы («российские речения») с элементами просторечия.

Основой соединения, своеобразной «закваской» является народная речь, её поэтический стержень – «кипящие источники народной поэзии».

Напомним, что такой новаторский подход был необычным для современников А. С. Пушкина, возмущал многих критиков. Так, например, на замечания известного критика из «Атеней» («В первый раз, я думаю, *дровни* в завидном соседстве с торжеством») А. С. Пушкин ответил в статье «Опровержение на критики» [Полн. собр. соч., т.7].

А. С. Пушкин отрицал пуризм карамзинистов (сторонников «нового слога») в отношении просторечий. Традиционно просторечия использовались или как этнографическое средство, или как речевая характеристика в низком стиле. Согласно Пушкину, они могут употребляться независимо от жанра, но «соразмерно».

А. С. Пушкин утверждал многообразие стилей в пределах общенациональной нормы:

- 1) утверждение словоупотребления, основанного на принципе максимальной точности;
- 2) отказ от перифраз;
- 3) синтаксическое «сгущение» речи;
- 4) синтез различных генетико-стилистических пластов.

Так, например, в письме к П. Вяземскому (1813) Пушкин пишет: «Я не люблю видеть в первобытном нашем языке следы европейского жеманства и французской утонченности. Грубость и простота более ему пристали».

А. С. Пушкин сформулировал следующие новаторские *принципы* употребления языковых единиц в литературном тексте:

- «соразмерность и сообразность»
- «точность выражения»
- «благородная простота»
- «прелесть нагой простоты».

А. С. Пушкин видел дальнейшее развитие литературного языка в его демократизации, в углублении семантико-синтаксического взаимодействия книжного языка и разговорной речи. Создание «общепонятного языка», согласно Пушкину, - главный признак «зрелой словесности». Тем самым разговорная речь признавалась важной структурной основой литературной речи, языка «*bonne societe*» («хорошего общества»).

Свободное совмещение книжных, разговорных. Заимствованных элементов, *речевой синкретизм* – сущность пушкинской языковой реформы.

Исследователи отмечают, что для Пушкина характерно свободное сочетание, взаимопроникновение языковых единиц, противопоставленных генетико-исторически, экспрессивно-стилистически.

Ещё В. В. Виноградов подчёркивал, что «принцип совключения», стилистическое объединение книжных и разговорных элементов является основным в построении новой «общей» системы литературной речи.

«Зима! Крестьянин торжествуя
На дровнях обновляет путь»

[«Евгений Онегин»]

«Он снова жаждою томился
И градом пот по нём катился»

[«Братья разбойники»]

Пушкин рассматривал слово как «нравственно-поэтическую деятельность народа, как источник сведений о народной психологии, типе мышления, национальном характере». «Обыкновенно мы рассматриваем слово в том виде, как оно является в словарях. Это всё равно, как если бы рассматривали растение, каким оно является в гербарии, то есть не так, как оно действительно живёт».

Пушкин не принимал пуризма Карамзина: «Он презрел идиомами русского языка, не прислушиваясь к языку простолюдинов и не изучал родных источников». «Язык Карамзина далеко не русский: он правилен, как всеобщая грамматика без исключений» [«Литературные мечтания»].

Возражал Пушкин и против чрезмерного увлечения «словенскими речениями»: «...убедились мы, что славянский язык не есть язык русский и что мы не можем смешивать их своенравно. Если многие слова, обороты могут быть заимствованы из церковных книг, то из этого не следует, что мы должны писать: «да лобжет мя лобзанием», то есть «целуй меня».

А. С. Пушкин признавал важность книжной традиции. В «Письме к издателю» он пишет: «Письменный язык оживляется поминутно выражениями, рождающимися в разговоре, но не должен отречься от приобретённого им в течение веков. Писать единственно языком разговорным – значит не знать языка» [Полн. собр. соч., т. 7, с. 479].

Принципиально новым было видение Пушкиным языка прозы: «Точность и краткость – вот первые достоинства прозы. Она требует мысли и мыслей – без них блестящие выражения ни к чему не служат» [«О прозе»]. Для Пушкина проза была той сферой, которая формировала «метафизический язык», то есть язык политики, культуры. Науки, философии.

В статье «О причинах, замедливших ход нашей словесности» (1824 г.) пишет: «учённость, политика и философия ещё по-русски не изъяснялись – метафизического языка у нас вовсе не существует».

Афористически точно о значении Пушкина писал Н. В. Гоголь: «При имени Пушкина осеняет мысль о русском национальном поэте... В нём, как будто в лексиконе, заключилось всё богатство, сила и гибкость нашего языка. Он более всех, он далее раздвинул ему границы и более показал всё его пространство» [Н. В. Гоголь «Несколько слов о Пушкине»].

Для самостоятельной работы

Прочитать и законспектировать статьи А. С. Пушкина:

«О предисловии господина Лемонте к переводу басен Крылова», «О прозе», «О поэтическом слоге», «Опровержение на критики» [Полн. собр. соч., т. 11].

Темы рефератов по истории русского литературного языка

1. Источники изучения истории русского литературного языка.
2. Памятники церковной и светской письменности Киевской Руси.
3. Структура языка летописи.
4. Учение А. А. Шахматова о койне. Особенности формирования киевского и московского койне.
5. Язык «Изборника 1076 года».
6. «Слово о Законе и Благодати» Илариона как памятник проповеднической литературы.
7. Монастыри как хранители и центры духовной культуры. Киево-Печерский монастырь.
8. Поучения Владимира Мономаха как памятник языка и культуры восточных славян.
9. Язык памятников агиографической литературы («Житие Феодосия Печерского», «Сказание о Борисе и Глебе»).
10. Восточные славяне и Византия: культурно-языковые связи.
11. Древнерусская культура XI–XIII вв.
12. Берестяные грамоты и граффити как источники изучения истории русского языка.
13. Деловая письменность раннего средневековья (XI–XIV вв.). Язык «Русской правды».
14. «Слово о полку Игореве»: проблемы лингвистического анализа.
15. Второе южнославянское влияние и связанные с ним культурно-языковые процессы.
16. «Извятие (плетение) словес» в письменных памятниках Московской Руси. Язык «Жития Стефания Пермского».
17. «Судебник 1497 г.» как памятник деловой письменности Московской Руси.
18. Народно-литературный тип языка в «Хожении за три моря» Афанасия Никитина и «Повести о Петре и Февронии».
19. Взаимопроникновение книжно-славянского и народно-литературного типа языка в посланиях Ивана Грозного.
20. Роль Нила Сорского и Иосифа Волоцкого в истории русского литературного языка.

21. Значение книгопечатания в развитии восточнославянских литературных языков.
22. Грамматика Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого.
23. Влияние украинской культуры на культуру Московской Руси XVII–XVIII вв. Деятельность Феофана Прокоповича и Симеона Полоцкого.
24. Новые тенденции в развитии русского литературного языка XVII в. в творчестве Аввакума.
25. Русская культура XIV–XVII вв. (живопись, архитектура, музыка).
26. Барокко в искусстве, литературе восточных славян.
27. Особенности процесса заимствования в русском языке I-й четверти XVIII в. («Петровской эпохи»).
28. Взаимодействие книжных и разговорных элементов в письменных памятниках I-й четверти XVIII в.
29. Лингвистическая деятельность А. Кантемира.
30. Лингвистическая деятельность В. К. Третьяковского.
31. Стилистическая реформа М. В. Ломоносова.
32. «Российская грамматика» М. В. Ломоносова.
33. Разрушение «высокого стиля» в одах Г. Державина.
34. Полемика о «старом» и «новом» слоге: программа карамзинистов.
35. Полемика о «старом» и «новом» слоге: программа А. С. Шишкова и его последователей.
36. Языковое новаторство И. А. Крылова-баснописца.
37. Язык «Горе от ума» А. С. Грибоедова.
38. Языковое новаторство А. С. Пушкина.
39. Язык художественной прозы А. С. Пушкина.
40. Язык художественной прозы Н. В. Гоголя: традиции и новаторство.
41. Лексикографическая деятельность В. И. Даля.
42. Основные тенденции в развитии русского литературного языка новейшего времени.
43. Язык русского зарубежья.

Литература

Основная

- Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. – М., 1983.
- Горшков А. И. История русского литературного языка. – М., 1969.
- Ковалевская Е. Г. История русского литературного языка. – М., 1978.
- Ларин Б. А. Лекции по истории русского литературного языка (X – сер. XVIII). – М., 1975.
- Мещерский Н. А. История русского литературного языка. – Лен., 1981.
- Ремнёва М. Л. История русского литературного языка. – М., 1995.

Успенский Б. А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI-XIX вв.). – М., 1994.

Дополнительная

Алексеев А. А. Пути стабилизации языковой нормы в России XI-XVI вв. // Вопросы языкознания, 1987, № 2. – С. 34-46.

Бондалетов В. Д. Даль и тайные языки в России. – М., 2004.

Булаховский Л. А. Исторический комментарий к русскому литературному языку. Изд. 5-е, доп. и перераб. – К., 1958.

Булаховский Л. А. Русский литературный язык первой половины XIX в. – Т.1. М., 1954; Т.2. К., 1957.

Верещагин Е. М. Христианские книжники Древней Руси. – М., 1996.

Верещагин Е. М. Церковнославянская книжность на Руси: лингвотекстологические исследования. – М., 2001.

Виноградов В. В. Избранные труды. История русского литературного языка. – М., 1978.

Виноградов В. В. Язык Пушкина. Пушкин и история русского литературного языка. – М.-Л., 1935.

Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. – М., 1959.

Волков С. С. Стилиевые лексико-фразеологические средства деловой письменности XVII в. Дисс. ... докт. филол. н. – Л., 1980.

Волков С. С. Лексика русских челобитных (формуляр, традиционные этикетные и стилевые средства). – Л., 1974.

Вомперский В. П. Риторика в России XVII-XVIII вв. – М., 1988.

Горшков А. И. Теория и история русского литературного языка. – М., 1974.

Грановская Л. М. Русский язык в «рассеянии». Очерки по языку русской эмиграции первой волны. – М., 1995.

Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому. – М., 1987.

Дурново И. Н. Избранные работы по истории русского языка. – М., 2000.

Егорова Р. М. Исконное и заимствованное в военной лексике «Вестей-Курантов» 1600-1650 гг. Дисс... канд. филол. н. – Л., 1984.

Живов В. М. Язык и культура в России XVIII в. – М., 1996.

Земская Е. А. Язык русского зарубежья. Общие процессы и речевой портрет. – М., 2001.

Земская Е. А. Клише новояза и цитация в языке постсоветского общества // Вопросы языкознания. – 1996. - № 3.

Зиновьева Е. И. Стилиобразующие средства и языковая картина мира в деловой письменности XVI-XVII вв. (на материале «Записных кабальных книг»). – СПб., 2002.

Зубова Л. В. Современная русская поэзия в контексте истории языка. – М., 2000.

Иссерлин Е. М. Лексика русского литературного языка втор. пол. XVII в. Дисс ... док. филол. н. – Л., 1961.

История лексики русского языка XIX – начала XX вв. – М., 1984.

- История русского литературного языка в древнейший период. – М., 1984.
- Караулов Ю. Н. Русский язык: современное состояние и перспективы развития. – М., 1991.
- Караулов Ю. Н. Словарь Пушкина и эволюция русской языковой способности. – М., 1992.
- Караулов Ю. Н. Словарь языка Достоевского: лексический строй идиолекта. – М., 2001.
- Кедайтене Е. И. История русского литературного языка. Учеб. пособие. – М., 1994.
- Клибанов А. И. Духовная культура средневековой Руси. – М., 1994.
- Ковтун Л. С. Русская лексикография эпохи Средневековья. – М.-Л., 1963.
- Ковтун Л. С. Лексикография в Московской Руси XVI - н. XVII вв. – Л., 1975.
- Ковтун Л. С. Азбуковники XVI-XVII вв. (старшая разновидность). – М., 1985.
- Кожин А. Н. Литературный язык Киевской Руси. – М., 1984.
- Кожин А. Н. Литературный язык Московской Руси. – М., 1986.
- Колесов В. В. Древняя Русь: наследие в слове. – СПб., 2000.
- Колесов В. В. Древнерусский литературный язык. – Л., 1989.
- Колесов В. В. Философия русского слова. – СПб., 2002.
- Костюхина Л. М. Книжное письмо в России XVII в. – М., 1974.
- Костомаров В. Г., Бурвикова Н. Д. Читая и почитывая Грибоедова. – М., 1998.
- Котков С. И. Лингвистическое источниковедение и история русского литературного языка. – М., 1986.
- Ларин Б. А. Разговорный язык Московской Руси // Начальный этап формирования русского национального языка. – М., 1961. – С. 22-34.
- Ларин Б. А. Заметки о «Словаре обиходного языка Московской Руси» / Публ. С. С. Волкова // Вопросы теории и истории языка. СПб., 1993. – С. 5-9.
- Левин В. Д. Очерк стилистики русского литературного языка конца XVIII – начала XIX вв. (Лексика). – М., 1964.
- Литературный язык Древней Руси. – Лен., 1986.
- Лыков А. Г. Введение в историю русского литературного языка. – Ростов-на-Дону, 1992.
- Мечковская Н. Б. Ранние восточнославянские грамматики. – Минск, 1984.
- Мещерский Н. А. Избранные статьи. – СПб., 1995.
- Молдован А. М. «Слово о Законе и Благодати». – Киев, 1984.
- Московская деловая и бытовая письменность XVIII в. / Под ред. С. И. Коткова. – М., 1968.
- Рождественская Т. В. Древнерусские надписи на стенах храмов. Новые источники. XI-XV вв. – СПб., 1992.
- Русский язык конца XX в. (1985-1995). – М., 1996.
- Русский язык зарубежья / Ред. Е. В. Красильникова. – М., 2001.
- Русский язык и советское общество. Социолингвистическое исследование. – М., 1968. – Вып. I-V.

- Селищев А. М. Избранные труды. – М., 1968.
- Селищев А. М. О языке «Русской правды» в связи с вопросом о древнейшем типе русского литературного языка // Селищев А. М. Избр. труды. – М., 1968.
- Селищев А. М. Язык революционной эпохи. – М., 1928.
- Смирнов Н. А. Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху. – СПб., 1910.
- Соболевский А. И. Славяно-русская палеография. Лекции. – СПб., 1908.
- Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка (30-90-е гг. XIX в.). – М.-Л., 1965.
- Судавичене Л. В. История русского литературного языка. – Л., 1990.
- Тихомиров М. Н., Муравьев А. В. Русская палеография. – М., 1982.
- Толстой Н. И. История и структура славянских литературных языков. – М., 1988.
- Унбегаун Б. О. Русский литературный язык: проблемы и задачи его изучения // Поэтика и стилистика русской литературы. Памяти акад. В. В. Виноградова. – Л., 1971. – С. 329-333.
- Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI-XVIII вв.). – Munchen, 1987.
- Успенский Б. А. Из истории русского литературного языка XVIII – начала XIX вв. – М., 1985.
- Филин Ф. П. Истоки и судьбы русского литературного языка. – М., 1981.
- Хабургаев Т. А. Дискуссионные вопросы истории русского литературного языка (древнерусский период) // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология, 1988. - № 2. – С. 47-62.
- Христова-Филкова П. История русского литературного языка XIX-XX вв. – София, 1986.
- Шахматов А. А. Очерк современного русского литературного языка. – М., 1960.
- Шишков А. С. Рассуждение о старом и новом слоге российского языка. – СПб., 1813.
- Язык о языке / Под ред. Н. Д. Арутюновой. – М., 2001.
- Язык и наука конца XX в. / Ред. Ю. С. Степанов. – М., 1995.